

СМЕНА

2

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Куйбышевгидрострой.

Общий вид работ в котловане шлюза.

Фото А. Брянова

↓ Вывоза леса со дна будущего моря.

ПО ЗАВЕТАМ ИЛЬИЧА

Громадной подковой видется в Волгу перемычка. Русло реки стало узким, течение стремительнее, даже в самые сильные морозы Волга здесь не замерзает. А за перемычкой, в котловане, полным ходом идут бетонные работы: строится самая большая в мире Куйбышевская ГЭС.

Владимир Ильич Ленин, выступая 2 октября 1920 года перед делегатами III съезда Комсомола, подчеркивал, что для построения коммунистического общества нужна «электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия». А 21 ноября того же года Владимир Ильич с трибуны Московской губернской конференции впервые выдвинул известную формулу: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». При непосредственном руководстве Ленина был разработан первый план электрификации России. План ГОЭЛРО, указания вонди стали программой действий советского народа. Одна за другой вошли в строй Волховская, Сиверская, Шатурская электростанции. Уже в 1930 году план ГОЭЛРО был успешно выполнен.

Через несколько лет засверкали огни Днепротреста и многих других электростанций. А сильно колхозных гидроэлектростанций построено на Урале, в Казахстане, на Украине!

Дали первый толк Цимлинская и Усть-Каменогорская ГЭС. Пройдет еще несколько лет, и в строй вступит Сталинградская, Куйбышевская, Камская, Чебоксарская и другие гидроэлектростанции. Во всех отраслях промышленности и земледелия электричество будет использоваться еще шире.

Новогодняя елка в Большом Кремлевском дворце.

Фото А. Гостева.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь. № 2. 1954 год.

Год
издания
31-й

Ленин Великий нам путь озарил

Незадолго до знаменательных Октябрьских дней 1917 года Владимир Ильич Ленин писал: «...как бесконечно живо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле только с социализма начинается быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, и затем, в самом начале, происходящее движение вперед по всем областям общественной и личной жизни».

История полностью показала великую правоту этих наполненных глубоким смыслом ленинских слов.

По неизвестным путем строительства социализма первыми пошли русские пролетарии и сплоченные вокруг них многомиллионные массы крестьянства России. Их твердо, уверенно и последовательно вел вперёд мудрая Коммунистическая партия.

Следуя за Коммунистической партией, встав на путь борьбы и строительства социализма, трудящиеся нашей страны не ошиблись. Навсегда были уничтожены капитализм и помещики, ликвидирована эксплуататорская система классов, исчезли кризисы и безработица. Все богатства перешли в собственность их единственному законному и подлинному хозяину — народу. Трудящимся стали принадлежать все завоевания человеческого ума, все достижения культуры. Простые люди, люди труда в Советской стране обрели счастье и радость жизни, стали равноправными гражданами и сознательными творцами. Навсегда остались позади тревожная красная острота. На месте убогой, полупролетарской России, сильно зависимой от передовых капиталистических стран, возникла высокоразвитая индустриально-колхозная социалистическая держава.

С каждым прожитым годом все ярче и величественнее проявляются на практике великая жизнеспособность и могучая сила социалистического строя. Во то время как США, Англия и другие капиталистические страны все больше запутываются в неразрешимых противоречиях, топчутся на месте, барахтаются в тисках все более углубляющегося общего кризиса капитализма, социалистический общественный строй обеспечивает невиданно быстрые темпы нашего экономического и культурного развития, систематическое повышение жизненного уровня народных масс.

В минувшем 1953 году наша страна вступила на новый этап движения к коммунизму. Наряду с высокими темпами развития тяжелой индустрии — этой основы нашей социалистической экономики — Коммунистическая партия осуществляет рядом путем сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности с целью резкого увеличения производства предметов народного потребления. Исторический пятилетний ЦК КПСС научно обосновано и конкретно определил наши хозяйственные задания на ближайшее время. Эта политическая партия является логическим продолжением ленинского плана социалистического строительства, полностью отвечает требованиям основного экономического закона социализма и закона планового, пропорционального развития всего социалистического народного хозяйства.

Руководимый Коммунистической партией, советский народ практически решает такие гигантские проблемы, которые некогда еще не стояли перед человечеством.

Строительство коммунизма немного расширяет общественно-политическую деятельность трудящихся масс — главных строителей новой жизни, творцов истории. Теоретическая активность советских рабочих, крестьян, интеллигенции становится основным фактором развития социалистического общества.

Воспебжающие ленинские идеи торжествуют не только в исторических победах Советского Союза — страны строящегося коммунизма. Они торжествуют в экономических и культурных достижениях великого Китая, в успешном строительстве осяз социализма в Польше и Чехославии, в Венгрии и Румынии, в Болгарии, Албании и Германской Демократической Республике. Они торжествуют в том, что все больше и больше становится людей, понимающих, что вне социализма для человечества нет спасения от войны, капиталистического рабства, от голода и нищеты.

Советский народ и его молодое поколение полны чувства гордости за то, что живут и действуют в стране великого Ленина, под руководством Коммунистической партии, осуществляющей великие ленинские заветы строительства новой жизни. Дух великого Ленина, его идеи постоянно сопутствуют всем нашим успехам, осеняют и вдохновляют на новые подвиги во имя коммунизма.

Советская молодежь знает, что работать по Ленину — значит быть пламенным патриотом социалистической Родины, неустанно бороться за свободную и сознательную трудовую дисциплину, проявлять самоотверженную заботу об увеличении производительности своего труда. Она знает, что следовать во всем за Лениным — значит быть смелыми новаторами на заводе и на фабрике, в колхозе и лаборатории, свободными от рутинной, упорно и настойчиво добиваться поставленной цели.

Она знает, что подражать Ленину — значит быть бойкими в жизни, глубоко верить во всеобъемлющую силу коммунизма, беззаветно любить свой народ.

Она знает, что жить, как Ленин, — это значит постоянно овладевать знаниями, культурой, неустанно изучать марксистско-ленинскую теорию, глубоко нам силу ориентировки, ясность перспектив и умение прокладывать новые пути в творении.

В. СУХОДЕЕВ

«ДОРОГОЙ НАШ НАМЧЧ».

Квитой годовщине proletарской революции, мм, рабочие Стодской снунной фабрики, решив назвать нашу фабрику твоим именем. По этому случаю мы послали тебе и прощанию наше сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки.

Мы будем счастливы, если ты, наш учитель и вождь, оделешь восточные рабочие руки советской.

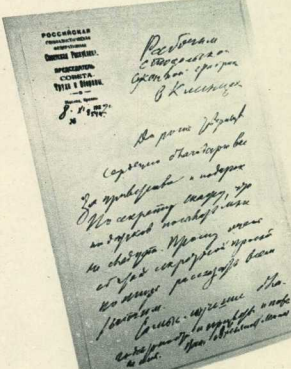
Наша, Ильич, на здоровье и знай, что мы всегда с тобой.

Продолжай революцию и тебе рабочие Кашевской фабрики шлют твою любовь.

Кашев, 3 ноября 1922 г.

Приветственный адрес В. И. Ленину от рабочих Стодской снунной фабрики в Клинцах.

3 ноября 1922 года.

В. И. Ленин, Рабочим Стодской снунной фабрики в Клинцах.

3 ноября 1922 года.
Григорьев, Фотоаппарат.

Любовь народная

Есть в Москве, неподалеку от Красной площади, большое, старинной кладки здание. Миллионы людей прошли через его просторные светлые залы, в которых собраны бесценные ленинские документы, фотографии, книги, почтешнейшие газеты времен тех русских революций. Материалы Центрального музея В. И. Ленина являются не только страницами биографии нашего великого вождя и учителя. В них история победоносной Коммунистической партии, созданной и выстоявшей им.

Музей хранит веию живое дыхание Ильича. Ленинские идеи вдохновляют нас на борьбу за коммунизм. И вполне понятно желание каждого побывать в Музее, почувствовать обаяние светлого облика Ленина.

Подолгу стоят люди у витрин,

где хранятся личные вещи Ильича, его записки и письма.

Простота, скромность, отвлеченность, необыкновенное внимание к нуждам трудящихся — вот что прежде всего характерно для Владимира Ильича. Это подтверждают многочисленные воспоминания современников — и тех, кто близко знал Ленина, и тех, кто видел его один-единственный раз.

А. М. Горький в своих заметках о встречах с Владимиром Ильичем приводит такой пример: «Осенью 1870 года я спросил сорванного рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?»

— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это, как хорошо продуманное, давно решенное. Знатный грандиозной государственной работой, Владимир Ильич находил время позабить-

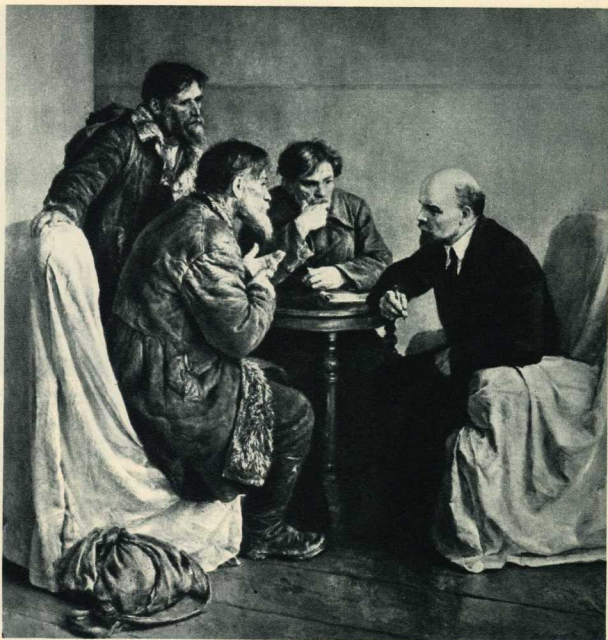
ся о том, чтобы работал лифт в здании СНК, так как пожилым и людям с больной спиной трудно подниматься по лестнице, побеспокоиться о создании нормальных условий для работы академику И. П. Павлову, написать письмо Чебарскому уездному исполкому Пензенской губернии с просьбой оказать помощь бедному крестьянину села Соболевки Дудкину Парфену и направить его сына в школу.

К Ленину часто приходили «сходки» от рабочих, крестьян. Он внимательно выслушивал их просьбы, расспрашивал о жизни, разъяснял им политику Советского государства, советовался с ними. Один из секретарей Владимира Ильича вспоминает, что в октябре—декабре 1922 года Владимир Ильич принимал иногда до 10 человек в день. Выход, кто шел на прием, предупреждала, что Владимира Ильича нельзя задерживать больше 10—15 минут. Но многие засиживались по полчаса и больше. Трудно было оторваться от беседы с Владимиром Ильичем; иногда он и сам задерживал посетителя, увлекшись разговором. Приходилось заходить в кабинет и выразительно смотреть на часы, но это не помогало. Владимир Ильич, улыбаясь, говорил: «Мы не работаем, мы только разговариваем». Иногда даже сердился на то, что ему мешают разговаривать.

22 марта 1921 года Владимир Ильич беседовал с крестьянами Уфимского уезда и поручил выдать каждому из них удостоверение в Москву «для беседы и совета по важному делу, касающемуся крестьянского хозяйства».

Народ отвечал своему вождю любовью, преданностью, вниманием. В залах Музея В. И. Ленина можно позаниматься с документами, в которых найдла свое выражение эта любовь.

Крестьянин Иванов, побывавший у Владимира Ильича на приеме, обратил внимание на то, что в кабинете Владимира Ильича холодно. Возвратись домой и докладывая на заседании Мали-

Ходяки у В. И. Ленина.

С картины художника В. Серова.

У Маусолея В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Фото В. Вдовенко.

новского исполкома о поездке, он сказал и об этом. Под стеклом одной из витрин Музея лежит решение Малиновского исполкома (бывшей Рязанской губернии) о посылке Ильичу вагонов дров и об установке собственными силами печи в его кабинете.

Огромен был поток писем и приветственных адресов Ильичу. К вителиню Октябрь рабочие Стодольской сушковой фабрики в Клинцах прислали Ленину приветствие и подарок — отрез сузда. В письме рабочие сообщали, что завязали свою фабрику именем Ленина. Ленин ответил рабочим теплым письмом. «Дорогие товарищи! — писал он. — Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарок посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим.

Самые лучшие благодарности и приветия и пожелания.

Ваш В. Ульянов (Ленин).
Горяча и неисканная любовь к Ленину. Тесными узами он связан с народом, в борьбе за счастье которого отдал всю силу своего гениального ума, всю доброту своего большого сердца.

А. ШАПОВАЛОВА

Сверстнику

Не был я тогда в Колонном зале
И не мог все горе я постичь:
Помню, как нам старшие сказали:
«Тише! Умер дедушка Ильич».

Маленькими, детскими руками
Украшали мы потом чут свет
Свежини власяницы ветажи
В черной раме ленинский портрет.

И учили мы стихотворные,
Как в жестокой северной мороз
К Ленину из дальнего селенья
Ехал смуглый ленинский эсмонс.

Он не знал еще, что умер Ленин —
Самый смелый в мире человек.
И неслись, неслись, неслись олени,
На бегу раскидывая снег.

Мы смотрели на рисунок в книжке,
Слушали прощальные гудки.
Детский сад в уздечном гордишке —
Деревянный домик у реки.

А еще, мой сверстник, вспомни школу:
Сборы, пионерские костры,
Записку присягу комсомоло —
Годы самой радостной поры.

Так росли мы, в будущее веря,
В той стране, где счастье бьет ключом.
Знали нас расплахнутые двери
В мир труда, открытый Ильичем.

Мы росли отцам надежной сменой,
Так стремились, мой ровесник, жить,
Чтоб, идя дорогой неизменной,
Дальше ту дорогу проложить.

Были мы во всех делах опорой
Партии, что выдвигала нас,
Той мильерной армии, в которой
Мы тельной бойцами состоим.

г. Ленинград.

К. ВАНШЕНКИН

Впервые в жизни

Знакомый постучался у ворот,
Пожал мне руку жестко рукою,
Спросил небрежно: — Снова на завод?
Что там у вас предвидится твоей...

И не сдержал волнения, друзья,
И, несмотря на все свое старанье,
Ответные слова прозвонили: —
Закрыто партийное собрание...

Впервые в жизни шел я на него,
Чтоб скромно подле выходы устыдиться,
И слышать в стук сердца моего
И замыряние бьющегося сердца.

А путь, с кем в течение стольких дней
Я по работе становился близко,
Еще мне ближе стали и родней:
Они ведь тоже были коммунисты.

...Путь проходит многие годы,
Ложится каждый новою ступенью,
Но путь не оставляет никогда
То первое выское волнение.
И жизнь мой путь будет такова,
Чтоб чувствовал я сердце замыряние,
В который раз обычные слова
Прозвонили: «Партийное собрание».

Фото А. Шевича.

Молодые механизаторы Надеждинской МТС: Иван Кобзарь, Михаил Колесников, Александр Манушенов, Михаил Демченко, Иван Варнавский.

МЕХАНИЗАТОРЫ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Раньше было так: разгар весеннего сева, а на усадьбе МТС стоит десятки машин. В чем причина?

Некому управлять машинами. А в это время в темноте, под развесистыми деревьями, сидит, покуривая, большая группа людей. Это комбайнеры. Они в году трудятся всего полтора — два месяца, пока идет уборка урожая. Кончилась уборка, комбайнеры расходятся по домам или остаются в мастерской МТС, выполняя мелкие поручения. Использовать их на ремонте тракторов, сельскохозяйственного инвентаря нельзя. Они не знают токарного и слесарного дела. Нужда же в людях, имеющих эти профессии, огромна. Случалось, что одного слесаря, пока он ремонтирует машину, ожидает еще десятка два тракторов.

В Надеждинской МТС Ставропольского края встал вопрос: как же производительнее использовать богатую технику, дать постоянную работу механизаторам в течение всего года? Выход подсказали комсомольцы. Они предложили без отрыва от производства организовать учебу трактористов, комбайнеров, водителей смежных профессий. Допустим, водитель трактора изучит комбайн, комбайнер — трактор. Тогда они успешно смогут подменить друг друга. В весенний сезон комбайнер поведет трактор, а уборку тракторист встанет к штурвалу комбайна. Техника простоять не будет, полевые работы станут выполняться быстрее.

Инициатива комсомольцев всем пришлась по душе. Желательно учиться нашлось около ста человек. Организовали восемь учебных групп. Во главе их поставили опытных, хорошо знающих дело преподавателей. Так, группу дизельстов поручили вести бригадному молодой бригады Василию Черкасскому, группу водителей прицепных комбайнов взялся руководить Николай Андреевич Говоров, группой самодвижных комбайнов — опытный комбайнер Алексей Васильевич Криулин.

Учеба дала свои плоды. Впервые за все историю МТС приходилось задумываться не

о том, где найти людей для двухсменной работы машин, а о том, чтобы механизаторы не сидели без дела. Были укомплектованы все тракторные агрегаты. Причем на многих тракторах успешно работали комбайнеры, основанные на курсах новую специальность. Так, например, комсомольцы Дмитрий Черкасский и Федор Гаврилин на мощном дизеле «С-80» выполняли полторы — две нормы за смену.

Часть механизаторов была занята в колхозе: полагала устанавливать на фермах подвесные дороги, автопоники, электродоильные аппараты, оборудовать кормокусы. Особенно отличился комсомолец Александр Макушенов. Овладев пятью специальностями, он помог колхозникам во многих делах.

Став кременчаким, плотником, кровельщиком, слесарям, электромонтажникам решили пятьдесят механизаторов. Среди них токарь-комсомолец Иван Варнавский. Прошлой зимой он изучал в кружке фермерный станок. Помогла ему опытный фрезеровщик Иван Васильевич Бабин. В период уборки Варнавский остался в мастерской один и выполнял работу токаря, фрезеровщика и электросварщика. Олимпиада проходила такой случай. У комбайнера Антона Морина поломался валик ведущего транспортера, он приехал в мастерскую. Варнавский валик выточил быстро.

— Кто же фрезеровать будет? — забеспокоился Морин.
Иван уверенно подошел к станку, и через десять минут деталь была готова.

Про комсомольца Ивана Варнавского в МТС говорят, что он мастер на все руки. Таких мастеров, как Иван Варнавский, в Надеждинской МТС — разряд и машинистов много. Здесь почти все механизаторы владеют двумя — тремя специальностями. Комбайнер Василий Язганов хорошо знаком со слесарным и плотничным делом, тракторист Василий Варнавский — разряд и машинист. Комбайнер Семен Ельников — токарь и слесарь. Он исправляет мелкие поломки машин прямо в поле.

Быть механизатором широкого профиля, уметь водить трактор, комбайн, знать токарное и слесарное дело — задачу поставил перед рабочими машинно-тракторных станций сентябрьский пленум ЦК КПСС. Первые шаги к этому сделали надеждинские комсомольцы. Дело, неважно им, имеет государственную важность.

Ю. ФАЛАТОВ

Ставропольский край,
Надеждинская МТС.

Улыбка друга

М. МАРИНА

Дверь из цеха открывается так, будто ее распахивает шквалом. Сразу заглушаются все голоса. И непонятно хочется удержать на столе бумагу, чтобы ее куда-нибудь не унесло. Но если дверь закрыта, в красном уголке довольно тихо. Бюро всегда собирается здесь.

Раю В. официально вызвали на бюро с определенным намерением: «Взыскать как следует».

На Раю были сердиты все. Толе она дерзит всякий раз во время работы; Тамаре нагрубила, когда та напомнила ей о членских взносах; Саше и Жене «дала отпор» за то, что те позвали ее на собрание. Терпение наконец лопнуло, когда она при Тамаре в ответ на какие-то справедливые замечания оборвала толю Машу, человека, проработавшего в этих стенах пятнадцать лет.

Рая быстро вошла в комнату, ни на кого не взглянула, не кинула никому голову, села и стала глядеть в окно.

Тамара коротко объяснила, зачем сюда позвали Раю. Та и голова не повернула. Толя сказала, что обидно, когда в хорошей коллективе приходят вот такие «оригиналы». Коллективу каждый человек дорог.

Что-то прямо взорвалось в Рае. Она резко повернулась.

— Какая неправда! Если человек дорог, мимо него не проходит, как мимо дерева, — нет, не дерева! — за деревьями ухаживают, — как мимо столба, лишь бы не стукнулись!

— Как тебе не совести? — возмущилась Жена. — К тебе сто раз подходила, а ты же слова не дослушаешь и сразу: «Отстань!», «Отвяжись!»

— А вы подходите только что-нибудь объявлять на собраниях, о взносах. А между собой ни я, про другие вопросы. Когда Саша выходит из конторы, — Рая встала и представляла, как выходит Саша, — а Тамара в это время входит в цех, так улыбка от одной к другой через все станики протает. Мне так никто из вас ни разу не улыбнулся! — Она коротко повернулась, зардевшись ступом.

Члены бюро примолкли. Все посмотрели друг на друга. У Толи собралась на лбу серьезные складки. Тамарины глаза потемнели и стали почти синие, что бывает, ней при самом сильном волнении. Жена сидела, нахмурилась и чертила что-то на бумаге.

— Нечего вам притворяться, что я вам нужна. Никому я не нужна! Вызвали потому, что сердитесь, а до меня самой вам нет никакого дела. А я и не нуждаюсь! Подумаешь! Я работаю и план выполняю не хуже других, — сказала Рая.

— Но, положим, и не лучше многих, а вельшь себя ведомство, и тебе, как комсомолку, надо было бы наказать, — сказала Толя. — Цех наш дружный. Только ты одна где-то в стороне. Но тут виноваты и мы. Не замечали, что среди нас появилась «одиночка».

Разговор разгорелся горячий и беспощадный. Это очень тяжело, когда человек перестает верить в то, что он нужен коллективу, что и его могли бы любить, могли бы и о нем заботиться.

Никто не произносил речей. Чувства, блестящие в глазах и звучащие в гипертоническом, делали все слова значительными и большими.

Конечно, бывает, человек не может подойти первым. Из гордости, по застенчивости, а мотым. Никому я не нужен! Вызвали потому, что сердитесь, а до меня самой вам нет никакого дела. А я и не нуждаюсь! Подумаешь! Я работаю и план выполняю не хуже других, — сказала Рая.

Толя вынул кулек с «Золотым ключиком». Первой он протянул угощение Рае.

более широкий, где он полезен, нужен, где о нем неустанно заботятся.

— Кто же это обо мне так заботится, что я даже этого не замечаю?

— Да, о тебе заботятся все лучшие люди комбината!

— То, что я получаю, я получаю за свою работу, а не потому, что обо мне кто-то думает.

— А о профессии твоей кто позаботится? В прошлом работница становилась настоящей ткачихой после многих лет тяжелого труда. Знания приходили поздно, когда здоровье уже было подорвано и силы уходили. А ты, как и вся молодежь в цехе, стала квалифицированной ткачихой через полгода. Здесь тебе после школы ФЗО встретили и мастер и инструктор производственного обучения.

Ткачиха-комсомолка Лидя Белова.

— А почему же считается, что все это для меня лично? — пожала плечами Рая. — Конечно, если бы меня хуже учили, я бы зарабатывала меньше. Но когда и лучше работаю, это же выгодно производству?

— Подожди, сейчас ты все-таки поймешь. А взаимопомощь во время работы? Вот у тебя

остановились сразу два станка: на одном надо менять челнок, на другом — обрызг. А у Лени станики работают, и руки у нее свободны. Она подходит к твоему станку и выхватывает обрызг, а ты у другого управляешь челнок. И это делается во всех цехах, во всех станиках.

— А что же, я разве не подхожу к станкам Лени? Но это же опять для производства.

— Для производства. Но люди помогают друг другу из чувства дружбы, от души, а не только по распоряжению директора. Да ты хорошему позди на наши станики. Ведь они не только превосходят зарубежные старые «Дидериксы», «Рюты» и «Бенниндеры» по простоте и производительности. Из-за тех и человека не видишь! А наши конструкторы старались, чтобы тебе легче и приятнее было работать, что станок был послушен. Не висит надохматой веревке груз для основы, не затянет нигукуда конец фартука — все аккуратно подожух забрано. И красивый станок тоже не зря, тоже для твоего хорошего настроения, самоуверенности. Но тебе кажется, что все это только в интересах производства, но само-то производство для кого? Неужели ты никогда не думала об этом?

— Рая не отвечала.

— А поминь наш праздник в Зеленом театре Парка культуры и отдыха? Нам захотелось встретиться с другими ткачихами. Мы нарочно обращали внимание на платья и видели и ткачих и актрис в нарядах из наших тканей. И каждая, одетая в знаменитый шелк, казалась нам тоже знакомой, соседкой, живущей с нами на одной улице или в одном доме. А сколько у нас таких «соседок»? Сколько мы даем людям радости своим трудом и сколько берем ее от труда других людей, а ты говоришь: «...это все — для производства!»

— А мне всегда досаждало, когда я вижу какую-нибудь расфуфыренную особу в нашем шелке, — сказала вдруг Рая. — «Ах ты, — думаю, — идешь, валяешься, что на тебе такое платье, а знаешь ли ты, каких трудов оно стоит?»

Все расхохотался. Рая тоже. И отчуждене вдруг прошло, и никто больше не сердился.

А Рая показала всем талочку кулецы и хрупкой.

— Ох, я и забыл! — Толя вынул кулек с «Золотым ключиком». Это постоянный и доб-

ровылый напор в пользу девушек. Первой ой протнула утюжение Рае.

— Из-за тебя поазыл. Берн.
Рая взяла конфетку.
— А мне что, яд? — спросила она тихо.
Утодь ей живо не дотечось.
— Время есть — посадн.
Стали танковать о ночном рейде. Как легче вскрыть причины простовев оборудования, кто виновник? Как обращаться с сырьем? Какова культура производства в двадцать три нольно под часами в норе.
— Ты смотри, никому ни слова, — предупредила Раю Тамара. — Рейд только тогда имеет смысл, когда он нагрянет нечаянно, вдруг. Помнишь?
— Не беспокоись. Самн-то не входице в цех гуртом, а то сразу видно, в чем дело.
Все засмеялись:
— Правильно!
— Вот послушайте, девушки, и скажите, о ком написан этот—Толя раскрыл книжку.
— Шай под ручку две подружки, и замечу не в укор, что вельи они друг с дружкой пустиковой разговор...
Все подмигнули понабже к Толе.
«Скорю гляди на прохажо, обсуждали меж собой: у кого какой горошек, у кого узор какой?»

просила прочитать заданные стихи, а стихи-то они и не выучи...
— И почему нет поэмы о «Красной Розе»?..

...Танцуют свой хитрый танец ремизки, чередуется литье осины. Скобок лих, елда повозки глазу развильчат цвет утка — то желтый, то розовый, — пролетают челноки. И спешат, спешат батаны. Создаются изумительные праздничные ткани. Пять тысяч разных расцветок! Третья часть шелков, изготовленных в стране, сотка комсомольской бригады — Раве все это не достойно поэмы?

Тирада Тамары вызвала одобрение у всех, кроме Сашн. Она поглядела на Тамару, на Толю, на Женю и спросила с шуточной уязвостью:
— А производственному сектору с его прозой куда тепер?

— Правда, правда, Саша, у тебя ведь очень важно... — спохватилась Тамара.

— Раво еще про нас стихи писать, — зиргиты заговорили Саша. — Верно, мы цех «ЧПСИ», цех восемнадцати ассортиментов. Но я сейчас занимаюсь анализом того, почему одни работают лучше, другие — хуже. Правда, все наши комсомольские нормы выполняю. Но есть такие, что так на корме и застыли. Как же мы, комсомольская бригада и весь первый цех, перевыполним план? Этак мы его просто не выполним!

— Ну, ты напрасно разгнала скентика, —

В. ТЕНДРЯКОВ

В СЕВЕРНОМ КРАЕ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Приехав в Подосиновец, где когда-то работал секретарем райкома комсомола, я встретил своего старшего товарища. Улыбавшись, что и хочу пойти пешком из колхоза в колхоз, он согласился быть моим спутником.

Анатольич знал все район, и все в районе знал его. Но мы решили не ограничиваться одним Подосиновским районом, а пройти от Подосинова вверх по Югу до города Никольска, завершаясь по пути туда, где покажется интереснее. Таким образом, мы побоялись в трех районах: Подосиновском, Климковско-Городищенском и Никольском — и из Кировской области выйдя в Вологодскую.

Паром (по-местному, наузок), осенний под грузом трехтонного сиса и валод, с мешками овса, медленно переезжает на другой берег Юга. Подосиновец, с его густой сосновой рощей, с маленькими домишками, жмущимися к реке, остался за спиной.

Налево путешествие началось.

В Подосиновском районе, куда мы попали, всюду окажутся окруженным большими и маленькими холмами. Один из них, сплошь поросший лесом, лежит адали, как синие грозные тучи. На других лес ключами, между лесом — плоскими полями, а на вершинах, краями под облака, — деревенки.

С околиц таких деревен, если взглянуть вниз, открываются величественные картины: леса, леса, леса, тонущие в мутноватой голубизне, зеленые разнородные дуги, текущая ленивыми изгибами. Над ее поверхностью волды носятя кулички и чайки. Они летают внизу, деревья стоят выше их полей; дух захватывает с высоты от просторов раскинувшихся перед глазами земель, земли богатой, отгнотшей буйной зеленью.

Но не эстетическая склонность к красотам природы заставила предков подосиновцев поселиться не по известным, а на вершинах холмов. Раньше это было удобно. Низины большей частью заняты заливными лугами, каждым клочком которых приходилось дорожить. Кроме того пологи полей по склонам сохой обрабатывали неудобнее. Крестьянин пускал сохой лошадеку сверху вниз, проназвал ряд, приподымал над землей соку, забирал вверх и спускал — вниз. Попадающая тнет, соха шаркает сверху. И лошади легко, и самому пахарю не в тягость. Не скоро пахалось, да скорее и не требовалось.

Теперь колхозники, работники МТС, даже районное начальство — все в один голос говорят:

— Эх ведь навздымамо у нас землю — угор на угоре. Как по такой круче работать трактором или комбайном? Да еще требуют: выкопать горючий Северный угля — это наше. И земля ведь на угорах плохая. Дождем землю сверху. Посмотрим: внизу ляд врод и густой, а сверху — щетника, колоски по три зернышка.

Мало в районе таких полей, что посевные площади лежали ровные, что было бы развращены машинам.

Мало, но их может быть больше.

Анатольич, шагавший со мной рядом, кивнул в сторону от дороги:

— Вот она начнется... Согра колхоза имени Калининна. Переугою на метр, не меньше. Хоть ляд, хоть лет тут пося — лесом бы поднялся. Тестов, Калининский председатель, воздвигает: вот бы освотить.

Дорога входила в клытый ельничек.

Согра — полуоблоте, низина, мягкое место. В таких сограх каждую осень высылает несметное количество волоншек. При первых заморозках, если наступит сагом, они акку-

После комсомольского рейда.

— Почему же это «пустиковый разговор»?
— А пошу, понимаешь, досадо, что девушки только о шелках да о нарядах думают. Но дальнее под казал себе: «Тихо! Тихо, гнев мой невопадан, может, это шны ткачки на Трехтонный комбинат!»

Всеи повраилось.
— Изменить бы в конце невозможно, поставила: «...на текстильный комбинат», — сказала Женя. — тогда это будет я про нас.

— Нет, нас горошек уже во восхититель — возразила Тамара. — В Праге, на конкурсе, какие модели признаны лучшими? Советские. А из каких тканей сшиты некоторые из этих лучших моделей? Из натурального крен-жоржета и крена московского, со станков «ЧПСИ-50» — комсомольской бригады первого цеха, бригады которой в последнее время стал усиленно интересоваться поэзией...

Поднялся смех. У Толи Мартынова недавно «сорвался» патерка по литературе. Он учился в вечерней школе. Четко, «споконная зрелищно», ответил он урок. Довольная учительница объявила, что ставит ему «пяты». И вдруг по-

обезоруживающе миролюбиво улыбнулась Саша Тамара. — Вот увидишь, напишут про нас поему. Очень короткую... А с показателями так делаем: ты все закончишь, и тогда посоветуем, кому как помочь, а кого и на бюро... Где она, твой заветный?

Саша ведал тетрадь, в которую она записывает все, что касается работы комсомольцев на производстве: когда кого вызывали на бюро и что из этого получилось.

Бюро. Сухое, короткое слово. Рая смотрела на всех по очереди и все внимательно слушала. Так вот оно какое, бюро! А за стеной горючат машины, будто экспресс, несущиеся на встречных курсах и на бешеных скоростях. Еще не перешагнул порога, можно представить себе, как беспокойно и трудно ту человеку. Но Рая знает, что в цехе просторно и светло.

Конечно, в такой час, после затнувшегося бюро, надо скорее домой, садиться за книжки. Или уж забегать в вино? Но Тамара и Толя смут горю, к отпу одной работницы, комсомолки их цеха. Выяснилось, что человеку надо помочь в его семейных делах. Темно и поздно, но другого времени не было. Они вышли на улицу Ляла Толстого. Рая с ними по пути ло метро.

Простившись с Тамарой и Толей, она пошла домой пешком. Шла с хороним сердцем и все думала о своих новых друзьях.

1 Шелтоязычные станки «ЧПСИ-50» созданы друтовыми Сталинской премии Черепановым, Губовым, Ситниковым и Паршиным. Первые бунды их фамилий и составляли название станка, а станки «50» означают 1950 год — выпуск станка этой серии.

но хрувают. Более полезного здесь ничего не растёт — тшудина елочка, кусты вереска да ольды.

Согру, к которой мы подошли, колымом обступают холмы; на них поля колхоза имени Калинина, неудобные для машин, обычные для Подосиновского района поля. Согре же в тишине, место ровное. Кроме того здесь завидная почва — вековые отложения торфяника; не удивительно, что председатели Тестов выдвигает. Лежит под ногами черёмушная силица, да попробуй прибрать её к рукам!

В доколхозные времена в таких случаях жгли новины. Выбирали удобный кусок, где лесу поменьше да посуше. Лес рубили, складывали в кюветы, эти кюветы поджигались, а затем шестами горючие бревна перекатывались с места на место. Перекатят кювет на шаг, подождут, пока сучки, кусты, трава, весь мусор, растущий и валяющийся на земле, не выгорит дотла, снова передвигают на шаг... И так, шаг за шагом, пока хвастант сив. Работа тут каторжная: сверху в полове бьют солнце, снизу скользко обуть жёсткие ноги аэма, кругом огонь... Зато на таких новинах все, что ни сеяли, росло на удивление: хоть лен, хоть пшеница, хоть простая рожь.

Но иначе не может быть и речи, чтоб пользоваться деловыми приемами. Не ключок для одиночного хозяйства, а всю согру (в ней без малого гектаров сто) нужно ошнать от леса и осушить. Это под силу трактору, специальные корчеватели, канавкокаталы...

Наша дорога пересекла полосу, поросшую оской. Через неё проложена канава. Она выкопана не лопатами. Два мощных трактора здресь протаскали огромный ялуг. Этот ялуг здресь борозду чуть не в метр глубиной. В ней сейчас стоит мутная вода. На следующий год все кругом подожхнет, можно перепахать, посеять вместо оской клевер.

Сказать, что в Подосиновском районе нет мелкотракторных машин, нельзя. В каждой МТС (их в районе три) имеется по мелкотракторному отряду два мощных трактора «С-80» и один канавкокаталь. Но этого еще мало, чтобы омельшеть наступать даже на такую согру. И председателю Тестову пока до этого что остается одно — выдвигать: «Эх, осушить бы...»

Пересекли согру, однообразно-скупую, с вересковым кустарником и брусничными кочка-

ми по обочине дороги. Вышли к деревне Остроу.

За ней начинается самый большой в районе заливной луг. Он настолько велик, что даже не имеет одного общего названия, а называется по частям. Часть луга, под деревней Кострово, именуется Костровским лугом, другая часть, под деревней Осавою — Осавовским, под Клепиково — Клепиковским...

Дорога поднялась на возвышенность. Широкая озовая гряда раскинулась перед нами. С одной стороны — ободок пышных кустов, прижавшихся к реке, с другой — взгляд уходит вдаль и только на самом горизонте наталкивается на длинный, лиловый от косых лучей солнца, лесистый холм. Тесными семейками по три, по четыре, то тут, то там стоят стога сена. Над землей висит предвечерняя тишина. На реке, где-то глухо стучит мотор трактора. На реке, километра за полтора от нас, резко вскрикнула чайка, из деревни, скрытой за леском, доносился петушиный пересылчик. В этой тишине

Рисунки А. Ливанова.

стога сена казались мирными огромными животными, которые поспались, поспались на просторном лугу, утомились и задремали.

— Экое богатство! — не утерпел я. — Сена, сена!

— Богатство, — ухмыльнулся Анатолий. — Лугов-то много, а сена как раз мало. Считай, вдоль всего Юга заливные луга. А зимой коровам в колхозах сена и вволю не докормывают. Лошадям не хватает, куда уж коровам! Солома, хорошо если овсянка или ячменя, а то и ржаная, — вот их корм.

— При таких-то лугах...
— За лугами тоже сызвет палю. А вот хоти бы то, что дерюшина спелась... Корням травы воздух нужен. А внимания на это не обращают. Здесь еще хорошо, кустами не зарастает. Вон с «Красного землероба» спрашивают: «Почему у вас сенокосом выполнены только на шестьдесят пять процентов?» А как им на сто выполнить, когда на четырехстах пятидесяти га молодой лесок стоит! У нас так: не вывези на поля навоз, — еще будут ругать за это, не проборона во-время пары, — подушишь наговий, а если ты луг не очистишь от кустов, если после укосов бороной не проехал по лугу, не пропалал дерюшину, — об этом и не упоминают. Считают, тут не хлеб, тут трава, а трава неважно, пусть растет, как ей хочется самой. Проси, не проси, а МТС ни одного трактора после укосов на луга не выделит.

— Животноводческий район называется.

— Ну да, по бумагам. У областного начальства черным по белому: «Подосиновский район — основная отрасль животноводства». А какое животноводство, когда в укрупненных колхозах по восемьдесят, по шестьдесят коров, да и те, ежели даст какая в год восемьсот литров, то считай, чуть ли не рекордистка. Кроме шукот, хорошие козы больше наших хорох надают! Ждем по привычке на хлеб, сердимся, что он плохой родится, — и все. Какое уж тут животноводство!

Действительно, наша земля — подзол да песи — плохо родит ценные зерновые культуры. Но на ней, обильно поливаемой дождями (а дождей здесь хватает, асух не бывает в наших местах), могут великолепно расти и те же травы, если за ними следить, и картофель, и овес, и ячмень, — словом, все то, что ценно для животноводства.

Во время войны, когда хлебные районы страны были временно заняты врагом, лозуны

«больше хлеба!» был уместен и в таком районе, как Подосиновье. Но война кончилась. Украина, Кубань, черноморские области стали снимать обильные урожаи, и Подосиновье продолжал нажимать: «Хлеба! Больше хлеба! Не сено, не картофель, главное — хлеба!» Люди забывали, что превращая северный район целиком в хлебный так же неслучайно, как заставлял ветеринары заниматься агрономией. Анатолий рассказывал о том, как в 1952 году, страшные грозные ливни затопили дуга, как сжат в колхозах на зиму остался без корма, как приходилось привезать дойных коров. Потом он замолчал. Мы шли вдоль широкого заднего дуга, нам хотелось до вечера попасть в колхоз «Власть труда» и застать там председателя Михаила Островского. Он товарищ Анатолий, да и я с ним немного знаком...

Анатолий, маленький, подобранный, шагая своей мелкой, напористой походкой, поминутно оборачиваясь в мою сторону, говорил: «Михаил после армии бригадиром работал. Потом в школу руководящих колхозных кадров послал. Я с ним как-то в Кирове столкнулся. Поговорили о том, о сем, вспомнили, как на одной парте сидели еще мальчишками, поинти в кино. Там показывали журнал о применении тракторных удобрений. Мне, конечно, скучно, сиджу — скучаю от зевоты сонит. Он же притих, глаза в зрачок упер, не дышит. Когда вышли из театра, он и напустился: «Как ты не понимаешь? Да это интересное всяких приключений, яи на какую другую картину не смею!.. Суперфосфаты, калийные соли...» — и пошел и пошел... Ну, думаю, не ара тые ушат. Кем же, спрашиваю, когда окончили, выйдешь? «Председателем», — говорит, — колхоза поинти, но только в Подосиновский район и поеду. Какой там хлеб у нас, наши колхозы больше у государства съедят, чем вырастет хлеба. Там не развращены!» А послали-то его все же к нам. Колхоз дали огромный, равнинный, да еще попал под такое лето, какое было в прошлом году. Диваться тут Юг разливался. Вон те места все были залиты, от стогов одни верушки остались торчать, какое уж тут сено!.. И хлеба не было, и сена не было, даже простой соломы коровам не хватало! — все пошло. Как-то Михаил работает теперь, так дай горячо говорит об агрономии?..

«Мы вошли в большую деревню Осаво. Стоял вечер с широким закатом, с ласточками, стригущими в воздухе, с ветерком, прикосновение которого к лицу походило на подливающее теплоты материнской руки. Удачное в этом году лето! Дни шли ясные, солнечные, дождь выпал, но в меру. Кажется, будто природа решила оправдаться перед людьми за उसे стихийную сумятицу прошлого года. Хлеба поднялся на славу, сено кончат убирать...

В самом центре Осаво — большой двухэтажный дом. Бывший дом кушпа, которого все здесь вспоминают не по имени, а по прозвищу — «Калининка». Теперь здесь сапожная артель. Окна открыты, подле них сидят молодые парни, тащат сапоги, поют заковыристые частушки, сверху вина пошатривают все до прохорожих.

— Как нам найти председателя? — спросил я. Человек в тяжелых сапогах, в зеленой шляпе, помпозой, выгоревшей, лет двадцать тому назад служившей, видеть, украинским какого-нибудь городского франта, повернулся к нам.

— Его нет. В МТС уехал. Коли вернется, так ночью... А вы, извините, кто будете? Ежели вопрос какой решать, может, и без него можно? Не землерей часом?..

— Нет, Михаилу Островскому знакомое, поговорить бы хотелось с ним... — признались, если можно назвать знакомством случайную встречу на дороге. Прикос к завалушке, не спросив друг у друга ни имени, ни фамилии, разговорился довольно откровенно.

— Как живем, спрашиваете? — Человек в шляпе мыл твердыми пальцами свой небритый подбородок. — Что греха таить, не краснота, я, к примеру, животновод. Все под моими гла-

дителям в какую там контуру, и если ни туза и ни сода, то лучше пойдет уборщице, лишь бы не в колхоз. А сколько вот эта артель сапожника у нас рабочей силы отняла? Даже приказка по деревне пулеца: «Чтк шило нас разорвало». Оставили в деревне старика и старуха да еще женщины с детьми, матери. С детьми-то с насыженного места скоро не сорвешься. А что с таких спросить? Возьми скотинку... За ней десять коров закрепило, как будто обложилось изрядно накоричневить и похлянуть, навоз из-под нее выгresti. А она сунет в свои оковы соломы да бегом домой, там у нееเสมอ по лавкам, мал мала меньше, их голодными из-за коров не оставим. Вот и живи, поднимай животноводство. Равняете-то колхоз. Если же ни на славу поддается, легко буду зарабатывать рублей по двадцать пять на дуга. Так почитай: на эти-то деньги большие дуга хлеба куплю. Есть мне расчет жить в колхозе или нет?..

— Ну, а если в колхозе жить поднять, придет обратно народ? — Не все, конечно, но большинство вернутся. Как-никак — родной дом, привычное место. — Значит, что был народ, надо жизнь поднять, а чтоб поднять жизнь, нужен народ. — Где работ, куда ни кинь, всюду клин. Кольно!

Пять лет назад Подосиновцев был сравнительно небольшим селом. Теперь он вырос, появились целые улицы новых домов. Что за причина такого роста? Может, новый завод или фабрика настроены близ села? Нет, как были раньше прокомбинат и маленький льнозавод, так и остались. Вырос же Подосиновцев за счет тех, кто ушел из колхоза, кто перешагнул из деревни своей дом в райцентр. И про многих таких хозяйчиков трудно сказать, чем они занимаются.

Сегодня они стоят за прилавком в ларьке, завтра идут с топором к соседу подзаработать на ремонте крыши, послезавтра просто копаются на своем огороде... Но я бывал в этих колхозах. Спросите в Волжском районе про известный колхоз «Красный Октябрь». «Ну», — скажут вам, — у них народ, что в Китае... Там не ушла жизнь, и люди идут не от них, а к ним. Да если не каждый-то примет, उसे посмотрят сперва, что за работник.

Животновод продолжал невесело говорить, мы молчали.

— Я в Подосиновце недавно ходил, в Стриговскую бригаду зашел. У нас с народом верюно, а у них не так, то не лучше. До войны, помню, в бригаде-то было человек шестьдесят, мужчин и женщин наполовину. А теперь мужчин в бригаде один, сам бригадир, а женщин — пять, и те старухи... Он поднялся, протянул нам руку.

— Так как же нам председателя встретите? — спросил я.

— Председателя сегодня не встретите. Оставьтесь до утра, к утру-то, знать, пойдете. Но это не входило в наши расчеты. Мы решили позвонить близ села Яервента, да до него еще несколько километров отсюда. Видно, уж не удастся встретить Михаила Островского, а жаль: хотелось бы с ним поговорить.

Противящийся с животноводом, мы заинули за плечи мешки и пошли вдоль деревни, мимо домов, уставившихся в дорогу маленькими окошечками.

На крыльцах кое-где сидели мужчины. Они курили и прожвали нас лениво-равнодушными взглядами. Один, другой, пятый... Я не спрашивал, кто это такие, зная, что это кадровые рабочие со слезами. Они кончили, что им делать? Сидят и покуривают.

А в колхозе «Власть труда» сейчас спешат доконить последние дельные укосы, не хватает народу...

(Окончить следует.)

Владимир КАРПЕКО

По горным тропам

Здесь все массивно и весомо...

На гранях каменных твердых
Легит, колеблется полусонно,
Туч разломанная сина.

Стада отрогов крутогорья
Пасет суровой Роман-кош,
А ты по узким тропам горным,
Как зачерпанный, идешь.

Сяде косы заблудились
В лиловом буковом лесу,
Дубы корнями в грунт вцепились
Над сухой бездной, на весу.

И с любопытством смотрят кроны
Во мгла ущелья, где поток,
На камни падая со звоном,
Бурлит меж них, как кипяток.

Где дренных глыб нагромождение
Вся первоначальной простоте,
Глядящих до головокружения...
Но мы привычны к высоте.

г. Симферополь.

зом; и коня, и дойные коровы, и свиньи, и птица... Всех нужно корнить, за вески лужай уходи. Корнуя коров много, да прибрать его к рукам нелегко. Нет руг. Нет людей в колхозе. Ничье народ на сторону глядит. Какого-нибудь паренек оторвался от мамкиного подкола и сразу метит куда подальше, в ФЗО или ремесленное, девачка кончала саву, сень классов, так обязательно или в техникум или делопровозо-

К соседям в гости.

Фото А. Галкина. •

Звонят железные полозья,
Коней колхозных ровен бег,
Поскрипывает на морозе
Под легкими санями снег.

Какой простор перед глазами!
Нет лучше отдыха зимой,
Чем мчаться с верными друзьями
Дорогой снежной и прямой!

С. СОРИН

Ленинград. Металлический завод имени И. В. Сталина
Слесарь-сборщик комсомолец Петр Лебедев.

Фото Я. Халипа.

Дмитрий ОСИН

В ДОРОГЕ

Рассказ

Новый сосед профессору Рудневу почему-то не понравился. Не сразу разберешься в том, отчего к одному человеку влечет, а от другого необъяснимо отталкивает, особенно в дороге.

Когда поезд тронулся после остановки, сосед разледел и, забросив палатку на верхнюю полку, сел на диван напротив. Маленький дома, усталый.

Почтиная ус, профессор глядел в окно, прощаясь с городом, в котором родился, вырос, был счастливым когда-то, а теперь проезжая мимо, возвращаясь издалека после срочного вызова на консультацию.

«Вот он живет, работает здесь», — с невольной ревностью думал о соседе Руднев, — а мне даже захотеть не удалось! После столько лет!»

Поезд набирал скорость. Солнечный предвесенний денек был похож на праздник, и от встречи с родным краем, от нахлынувших воспоминаний профессору было грустно и радостно, и легкая боль обнимала сердце.

Вздох мягко качало; где-то в соседнем купе однообразно, в лад движению, легла незакрепленная пружина опущенной верхней полки. А сосед все так же сидел на диване напротив, выткнув ноги и закрыв глаза.

Успокоившись на своем месте, профессор Руднев из-за раскрытой книги оглядел его снова. На этот раз сосед показывал ему совсем другим, чем вначале. Широколобый, лысоватый, он выглядел не старше сорока пяти лет и не то не выпялся накануне, не то чересчур устал. Похоже было, что жилос и работалось ему нелегко, а чисто выбритое лицо с некрутыми хрипящими носами, ровно подобранными губами и резко очерченным подбородком говорило о незаурядном характере и силе воли. Смуглая кожа на щеках не измени-

ла окраски ни от мороза, ни в тепле. Веки, специально-серые, чем-то походящие на крылья моли, закрывала глянцами, но незнание почему думалось, что, несмотря на это, глаза соседа глядят на профессора.

Закрывшись книгой и как будто читая, Руднев лежал, удивляясь странному этому ощущению. Но даже и так, за книгой, все время чудилось, что сосед видит его и давно догадался, о чем он думает.

Едва профессор положил книгу, как сосед открыла глаза, глубоко, темные и не утомленные, а, наоборот, живые, полно внимающей и интереса ко всему вокруг, перекинула ногу на ногу и иоторопливо, словно задабривая, проговорила:

— Кажется, мы с вами встречались? Профессор... если не ошибаюсь?

Руднев невольно смутился, застигнутый врасплох.

— Возможно. В Свердловске где-нибудь...

— А что вы читаете? — сосед маленько завглянул в книгу, отложившуюся на столик. Но похоже, что на самом деле это его не так уж интересовало, а спросило было только для того, чтобы разговаривать.

— Да вот, — ответил Руднев, притирывая обложку, — Гоголь.

— А-а, Гоголь! — воскликнула сосед, будто вспоминая все, чему его учили. — Рус! Птица-тройка удавая по Волге-матушке зимой...

За окном кружились хороводом, шли горы, леса, что зеленелише на солнце бугры обильной оживи. Острые сторожевые пики елочек стояли на часах у самой дороги. Неподолжу смолисте сияли на прилеге новые зубы. Дым над крышами вился в нежном, безоблачном небе и издала походка на какие-то причудливо выростные деревца.

Профессор Руднев снова взялся за книгу. Как это часто бывает, первый инте-

рес, ненасытная дорожная жажда нового показывая уютными в время, и внимание обратилось к привычным делам.

Сосед сидел попрежнему. Снежин динные, костистые пальцы, он иоторопливо и ищрачиво играл ими, словно не заходя, чем заняться еще. Дав себе слово не наблюдать за ним, Руднев все-таки не мог удержаться и время от времени поглядывала на его руки, полузкрытые глаза, лицо и не мог понять, почему сосед так не по-ирился ему с первого взгляда.

Разговор не завязывался, несмотря на то, что с обеих сторон было сделано все, что обычно помогает этому в дороге. Должно быть, сосед догадался, что профессор думает о нем, и невольно стал исторженнее.

А поезд шел мерно и мягко покачивался в лад движению вагонов, все так же играло что-то в пролетной трубе, и однообразно побрякивала пружина за стенкой. Не оставалось, он мнивала какую-то станцию. Маленьку новую вокзал, мост через речушку, корпус неизвестного завода, и поезд понесся дальше, окликакая городок под горой торжествующе радостным, заимистым тулком.

Из соседнего вагона вернулся занимавший внезапно полку конструктор Жаворонков. Молодой, пылущий загорелым, он запояна купе ощущением щедрой силы и завидной душевной полноты, так и переливавшихся через край. Подобрал ноги, профессор Руднев освободил ему место возле себя.

— Все ложите, — заговорил, подождав, Жаворонков, — читайте. А мы там опять немного... на старые дрожжи...

Старые дрожжи не служат дважды, — усмехнувшись, пошутила Руднев.

— Да ведь что еще делать в дороге? — словно оправдываясь, спросил конструктор.

тор.— В преферанс я не играю... Анекдотами не занимаюсь.

Он возвращается с Северного Урала, куда совсем еще недавно проложил эту новую дорогу, и не стесняясь, а даже как будто радуясь, подкулачивает велосипед Руднева подругивая над самим собой. Руднев пожимал его и не осуждал.

— А инженер наш все спит? — спросил, вспоминая о третьем спутнике, Жаворонков. — Как лег с ночью...

И, приподнявшись на носки, заглянул на верхнюю полку, где, улявшись, так говорит о нем, завернувшись инженер Хвоц, как называли его ночью прохаживающие.

— Нет, выспался уже, — хрипавато отозвался он, подвигая с подушки черноволосого с удивительно сохранившейся прической голову. — Отвечал душ...

— Ну так вставайте, в домико сыграем, — предложил Жаворонков, показывая в ульбиче чистые, ровные карты и точно приладив в карман все раскладные откидки его настроение. — Четвертого партнера бот посылал!

Сосед отозвался на это снисходительно-извиняющейся усмешкой, широкими складчатными кругами разогнувшей морщины вокруг губ.

— Уйм, не играю.

— Не играете? — переспросил Жаворонков, искренне удивившись, как можно не играть в такую игру, которая не требует ничего, кроме желания играть и притом сразу в дороге, откладывая душой легкомыслие и неприятельскому залету.

— Не играю и очень жалую, — как можно общительнее признался сосед, — хотя скучающее человечество и придуло до меня, да еще боюсь скупки!

— Ну-у, — непреодоленно протянул Жаворонков, словно раздумывая, стоит ли ввязываться в спор по этому поводу или не стоит. — А в шахматы?..

— Играю, но не очень.

— Жаль, скажи так...

Жаворонков поглядел в окно, где, подступая совсем близко к полотну, темнела оловян, скачущий-премучный бор, и снова отбился на диван. Сел, жестики, переплюнул его, поджалось, не находил выхода, а израсходовав себя еще хотелось во что бы то ни стало.

— Удалось бы только в Свердловске на самолете попасть, — неохотно признался, проговорил он. — Завтра был бы дома...

— А вы позволите прямо с вокзала в аэропорт, — посоветовал Руднев. — Найдется место!

Жалко расстривать время в дороге? — заинтересовался вдруг сосед. Похоже, он немного отложился и не прочь был поддержать какой угодно разговор. — Разве с места отправления нельзя было лететь?

— Жаворонков вздохнул:

— Мы, уральцы, народ чувствительный! Хотелось проехаться, поглядеть на знакомые места...

А-а, воспоминания — рай, из которого нас не изгонит сосед, завалив нас баснуем глазами в запястных орбитах. — Так, кажется, сказал Золя.

— Да, есть что вспомнить, — признался Жаворонков. — Во время войны и строили и бороздили здесь. А после яв...
— О, тогда конечно, — торжественно подкинула сосед, будто подлаживая его расквашивать дальше.

Но Жаворонков, не поддавшись, поправил съехавший пиджак и поднимался.
На остановке все выжило поглядеть. Неизъянно хорошо было посылать вагоном дудоты дышать свежим, селетка морозным воздухом, неторопливо прохаживаясь вдоль длинной голубой улицы из вагонов и шуршащий от золотого солончатого снега.

Пассажиров на станции было немного. Дежурный в фуражке с красным верхом разговаривал о чем-то на перроне с начальником поезда, играя скатанными в тачку бумагами.

Жаворонков ходил наперекрест профессору Рудневу и, когда они равнялись, улыбаясь открыто, задуманно и поспешнее словно бы виновато.

«Совсем невозможно, на старые дрожжи, — говорила его улыбка. — Что же еще делать в дороге?»

«Старые дрожжи не служат дрожжи, — поминающе и сочувственно кивал ему Руднев, — а новые дрожжи — это вы!»

Когда поезд тронулся и они вошли в вагон, инженер Хвоц, собравшись умыть-выстирать, стоял в коридоре, разговаривая с соседом.

У соседней станции они усаживались идти обедать, вспоминая о Тагиле, где Хвоц когда-то работал, а сосед бывал не однажды.

Через час показались уральская станция. Селиться удалось. Но крытый вагонуловый вагончик длиннее вагона. Тем же вечером, чуть не вдвое уменьшенная, стремительно неслась по земле; окна в домах железнодорожников горели багрянцем. Казалось, за каждым из них жарко топились в неурочную пору домашние русские печи, как накануне большого праздника; и не было ничего удивительного в том, что, начавшись так, погасили и светлый этот день так же и заканчивались.

Инженер Хвоц в другой вагон к знакомому. Профессор отправился в ресторан. Там было немногочисленно. Бутылки сыра с серебряными, под шампанское, головками посвечивали на столах.

Инженер Хвоц и сосед пришли тоже. Усевшись неподалеку от него, не сповариваясь, заказали по стоику водки, закуски и, заметив Руднева, пригласили его к себе. Тот, поблагодарив, отказался. Пообедав, они собирались расплытаться и выйти.

— Купите мы зверкала, не беспокойтесь, — объяснял Хвоц, думая, что профессор тревожится о вещах. — Все в порядке...

Он сидел, шурша от солнца, бывшего прямо в глаза. Грубовато, обожженное ртом, вышло из него кавказское выруганье в алуцк закаты. Выходило, что человек хорошо отдаст себе отчет в том, чего хочет от жизни и что жизнь требует от него самого, и все делает так, чтобы пережить, не приключилось. Животом и инстинктом говорил, но по всему было видно, что сосед не то подлаживал на что-то, хмельно и алуцко блестя глазами. Все, что не поворачивало профессору Рудневу в интерес, делало. Только временами, когда он отступал, резко, чтобы неприятное проскальзывало на мигновенье снова.

Осмотрев нарядный новый вокзал, в широкие окольные проемы которого играло отступающее пламя заката, Руднев вернулся в вагон и лег. Нигде так не уставши, как в дороге — от обилия волнующих впечатлений, дум, — и никогда усталость не бывал так хороша, как после долгого, помотанного краем дня и дорожных переживаний.

Пронеслась он, разбуженный громким смехом. За окном и в купе было темно, но дверь немного приоткрылась, и за ней, на освещен в коридоре, выдвинулся его получки.

Руднев прислушался.

— Знаю я ваш полigon и танкодром знаю, — уверяла инженера соседка. Показывая вправо, указывая бубина какую-то легкомысленную несерьезно, что называется, подлива масла в огонь.

Но Хвоц уже не требовало и этого. Да на знатных машинах, — твердил он, глядя и азартно доказывая что-то, танкетки проедут где хотятся.

— И хорошо, — вернувшись, остановила его Жаворонков. — Но об этом в коридоре не распространяются.

Повинявшись подмигнув, сосед открыла дверь и жалко сел, пригласив их в купе.

Аска в тени от верхней полки, профессор Руднев прислушивался к разговору. Начался он, видимо, еще за обедом, в ресторане, и касался военных новинки. Сосед протестующе распрямился по обе стороны от двери.

Его интересовало многое и, на первый взгляд, беспорядочное: то скорость реактивных бомбардировщиков, то приборы, помогающие выводить танки в назначен-

ное место. Как стрелка компаса, подрагивая под воздействием невидимой магнитной силы, упрямо стремится к отметке, обозначающей север, так и его сознание, неслучайно на хмель и облизываясь в по-собойного разговора, постоянно возвращалось к одному и тому же, что притягивало его, как магнит стрелку.

— Ну не представляю, как можно обнагружить и переждать их в воздухе! — смеясь, говорил о бомбардировщике с завидной легкостью охмеленного человека, которому всё ничем. — Летят они на какой-нибудь наш город нуль... Как вы их найдаете в темноте?

Надут, как так уж сложиво, — уверяла его Жаворонков. — Приборы помогут!

— Приборы, приборы! — недоверчиво повторил сосед, как будто нащупав наконец то, что его особенно вело. — Но ведь скорость у самолетов невероятная — скорость звука! Разве какие-нибудь приборы могут поспеть за ней?

Жаворонкова задело это. — Приборостроение тоже не стоит на месте. Оно совершенствуется день за днем, — усмехаясь, возражал он. И в какой-то момент, когда разговор так шло к нему, пообщал: «Не беспокойтесь, враги найдут, атакуют в ночное темноте и сбьют? За тысячу, за пятисот километров от работы на которую они будут посыланы...»

Конечно, техника не стоит на месте, — с готовностью согласился сосед. Инженер Хвоц сделал было движение, пытаясь объяснить что-то дополнительно. Жаворонков не остановил его, а будто не заметив этого, отвлел перелом фуге разговора на себя, как бы оберегая инженера от настоящего внимания собеседника.

— Какое же секретное оружие, если оно не знает все солдаты! — снова оживился сосед.

Он опустив руки, придавая себе совсем равнодушный вид, но профессор Руднев опять был уверен, что глаза его и под ними горели нетерпеливым, азартным огнем.

Конечно, — как инстинктивно, так сознательно Жаворонков, несприятельно и почти неволью отстраня пытаньево вставить что-то инженера. — Всякая секретность в военном деле ведь до поры, до времени.

Профессору Рудневу было не по себе. Он опасался, что конструктор забудется и нечаянно проговорится о том, что так нестойко выпытывает собеседник. Но Жаворонков, видимо, знал себя и, наверно, долго мог ходить так вокруг да около, точно не замечая ничего.

Должно быть, сосед наконец почувствовал это, потому что попытался снова перестать своей интересе в безбоязненно-равной степени и на тактичное дело.

— И вы, — начал, — все же слыши, ни черта не видишь! — хрипло засмеялся он, играя пальцами. — Вместо танкодром еще на железку, под поезд, выскочили...

— И вышучу, если потребуется, — разгоряченно подтвердил, продолжая Хвоц. — Не забывайте, что это по приборам...

— Скоро Свердловск, — остановила его Жаворонков. — Давайте собираться. Пора!

— Мне частенько с этим поездом ездить приходится, — вздохнул, продолжая Руднев. — Вы же не расквашивались! Разговор заводской, бывалый едет!

«Так, так. Частенько? — подумал профессор Руднев. — Именно с этим самым поездом!»

Большая дорога, как зеркала. Иногда на ней жизнь покажет вдруг совсем не то, что собираешься увидеть. Он лежал и думал об этом, о есезде, о называвшем его и вместе к людям и о том, что это за человек и как он отступил в его родном городке.

И профессор Руднев, улыбаясь, что можно отложив себе, вернуться туда и ответить самому себе на эти вопросы и что никто не ответит ему на них, как не ответит бы он и сам, спрессованный ком-либо.

Возле себя, в купе, расквашивались, скважало больше помыслив небо. Поезд, не останавливаясь, гремел мостами, переездами, мимо станций и дачных платформ с бе-

дешевки у самого полотна берегами, огоньками в глубине лесных просек и той неообразимой путаницей подъездов, выдушек и переходов, что сходится на подступах к большому городу.

В вагоне, как всегда перед прибытием, начались суетолака. Снимались с плаков, увязывались и выносились в коридор чемоданы; проводники раздавали билеты и убирали белье, а наиболее нетерпеливые пассажиры выбрались уже в тамбур и, прикрывая глаза ладонями от света, оглядывались в мелькавшие за окнами очертания знакомых мест.

— Смотрите, смотрите-ка! Что это?..

— Где?

— Да вои, правее. Видите — в огнях, как скала какает!

Жаворонков глядел, не отрываясь.

— Вот это стройка! Красота... — тихо проговорил он, точно облекаясь в одном слове все, что переполнило душу за эту поездку по Уралу. — Не бывало еще у нас такой жизни! И такой она не было...

Сосед оделся и, захватив кожаный на молнии портфель, кинула всем на прощание. Он снова был трезв и не нравился профессору Рудневу еще больше, чем утром.

Инженер Хвоц налегке поспешна вслед за ним, намереваясь выйти вместе.

Прощаясь, Руднев пожелал Жаворонкову всего доброго и легкой погоды до Москвы.

— Спасибо! Живы будем — встретимся на этой земле, — пошутил тот.

— Обязательно, голубчик! На перроне, как обычно, была толчея: ступались носальщики, спешили встречаться. Профессор пошел к выходу, с трудом пробираясь между чемоданами, баулами и тачками, загромажившими путь, но ни инженер, ни сосед не было видно.

У подъезда, мимо которого далам зеленые фонарики таксомоторов, сосед вдруг выскочил из толчеи и, оглянувшись, юркнула в подожнающую машину. Хаотичная дверца, мелькнув освещенный стоп-сигналом номер, и машина пропала за углом. Весь вечер Руднев пытался забыть то, что было на новой дороге, и не мог. Деякитное это оказывалось дело, и распутать его следовало умечко.

Утром он снова отгуливал на вокзале. Снова с перрона, еще гуще, чем вчера, лился возбужденный людской поток, снова носальщики, трезвоили, пробираясь в толчею, автокары с багажом и почтой, и выходящие с радужно выходящих знакомых встречались с радужно выходящих знакомых и близких. А радужно выходящих знакомых найти того, кто промелькнул здесь вчера вечером или сегодня на рассвете, час, полчаса, минутой тому назад...

Но профессор Руднев знал, что дела, и, отступившись в широком проходе, вы-

ценном складской, зеркально натертой ленткой, словно по уговору смыкнулся с инженером Хвоцем. Тот только что вышел отсюда, куда он собирался пойти, и узнал профессора, сдержанно обрадовался.

— А, и вы сюда? Здравствуйтесь, здравствуйте!

— Да вот, собственно... По вчерашнему случаю... смущенно признался Руднев и сразу почувствовал себя увереннее. — Неужели он ушел?

— Ушел, — нахмурившись, подтвердил Хвоц и добавил, будто оправдываясь: — Ничего... нет хуже без добра!

Они отошли немного в сторону.

— Вот тут, у этой самой двери, — показав Хвоц. — Только и приступила к нему, как он, морщась, не то поскользнулся на чортовой этой плитке, не то нарочно по ножке мне даа, — и прямо из рук...

— Я видел: ося в машину и укатил.

Едва номер запомнить удалось.

— Ничего, далеко не уйдет, — пообещал Хвоц и снова нахмурился. — Хорош ты, а? И знаете, — понижа он голос, — интесресная, кажется, птица! Давали!

Уверенность, властная сила жизни слышавших в чужь приглушенном его голосе, согласно слышавшемся с говором и шутками льющемся мимо адедского потока. Они еще раз пожали друг друга руки.

— А конструкторто, — усмеялся, вспомнил Хвоц — Предупредил, оказывается, нас: еще в дороге сделал все, что следова-

ло... Летит, небось, сейчас да родную землю разгладывает, лубеует! — Помолчал, он чуть прижмурился зорьки, веселый глыв. — Занятно он меня вчера от того типа оборвал!

И снова суровой и верной силой жизни дохнуло на профессора Руднева от его слов.

Андрей МАЛЫШКО

МИР

Все, что делили суухар на привале,
Все, что трудился в тылу за тронх,
Все, что чужих ребятишек спасали
И вспоминали далеких своих;

Те, кто звезду над могилкою друга
Ставили ночью в осенней старне
И победили войну и разрушу,
Но не забыли об этой войне,—

Все мы, огнем не сожженные вражьем,
Все, кто из щепки и рвов поднялись,
Вспомним о бедах военных и скажем:

— Мы победили! Да здравствует жизнь!

Вот она — в поле бушует, как ветер,
Сталь закаляет в цехах огневых,
Вот она — лавным приносит бессмертье,
Светлое счастье несет для живых,
Светлое счастье несет для живых,
Дом раздурься свой отстронный, новый,
Поля засей безграничную ширь,
Чтобы звенело в груди это слово,
Слово победы и творчества,— мы!

Виды с комбайном в поля без предела,
Топи трясина суши, богатырь,
Чтобы во всей твоей жизни звенело
Вечно, торжественно, радостно — мир!

В шахту спускайся, веди паровозы,
Вырасти фрукты на садебный пир,
Чтоб не гремели военные грозы,
Звонкие песни чтоб сплавли мир!

Мир мявкам, что мерцают ночами,
Мир лавборбу, что с зорькой встает,
Матери мир, что младенца качает
И колыбельную песню поет!
Мир часовам, что не спят до рассвета,
Чтобы враги не прокрались во мгле,
Мир нашей матери Родине светлой,
Нашей советской великой земле!

Перевел с украинского
Марк МАКСИМОВ.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Горят костры у высоких стен замка магната Потоцкого. С ужасом и гневом смотрит народ, как солдаты зажиго сжигают двух казаков, осмелившихся поднять голос протеста против захватчиков-шляхтичей. Но вот выше поднимаются головы, ярче вспыхивают глаза. Казаки, обреченные на мучительную смерть, запевают вольную песню о скором возмездии, и эту песню подхватывает весь народ.

Так начинается опера «Богдан Хмельницкий» в постановке Киевского государственного академического театра оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко (авторы либретто — В. Васильевская и А. Корнейчук, музыка К. Данькевич). Этот монументальный спектакль отображает одно из важнейших событий в истории нашей Родины — воссоединение Украины с Россией.

Главный герой оперы — народ, поднявшийся на освободительную борьбу с польско-шляхетскими захватчиками. Первая картина — у замка Потоцкого — изображает тяжкие страдания украинского народа под игом панской Польши, его негасимый дух, его готовность пойти на любые жертвы ради освобождения родной земли. Ярko показаны народные массы и в других сценах: в Запорожской сечи, куда Максим Кривонос призывает Хмельницкого, чтобы узнать его замыслы и встать под его знаменами; в битве под Желтыми Водами, где были разгромлены польско-шляхетские войска; в финале оперы, где украинцы плчуют, встречая послов Великой Руси.

Действие оперы охватывает большой период освободительной борьбы украинского народа в середине XVII века: от момента собирання сил и создания сильной и дисциплинированной армии под водительством Хмельницкого до исторической победы под Желтыми Водами и Переславской Рады, на которой были осуществлены вековые чаяния украинского народа о вечном братском союзе с русским народом. В образе Богдана Хмельницкого отражены типические черты человека, вышедшего из народа и до конца преданного его интересам: верность Родине и воинскому долгу, беззаветная храбрость в бою и непримиримость к врагам, честность, прямодушность и неподкупность. Выразительно показана личная драма Хмельницкого, едва не ставшего жертвой своей жены Хелены — шпионки захватчиков.

Рядом с гетманом действуют его сподвижники: вожак восставших крестьян Максим Кривонос (народный артист СССР Б. Гмыря) и полковник Богун (народный артист УССР В. Борщенко). Запоминающаяся заслуженная артистка УССР Н. Гончаренко — казачка-вдова Варвара, без колебания принимающая яд, предназначенный для Хмельницкого, чтобы открыть ему глаза на предательство Хелены; храбрый и бесшабашный дзек Гаврило — народный артист УССР М. Роменский.

Музыка оперы эмоциональна и драматична. Музыкальная характеристика Богдана соответствует образу вождя народных масс. Вся она драматична в своей основе, а в сценах в Запорожской сечи и после вольного совета достигает героического пафоса. Вместе с тем Богдан глубоко человекен; это особенно чувствуется в музыке после суда над Богунном и в сценах с Хеленой и Варварой. Партию Богдана превосходно исполняет народный артист СССР М. Гришко.

Особенно удачны в опере хоры. Композитор К. Данькевич бережно отобрал и тонко разработал украинские народные мелодии той эпохи. В них отразились боль и гнев народа, страдавшего под ненавистным ярмом, его свободолобные устремления, его мечты о будущем. Хорошие мелодии полны до глубокой драматичности, до тонкого юмора и задушевной лиричности. Музыкальную драматургию оперы венчает русское «Слався!».

Актёрский коллектив театра, режиссер-постановщик народный артист СССР М. Крушельницкий, дирижер народный артист УССР В. Пирадов, хормейстер В. Колесник и художник А. Петрицкий создали спектакль, ставший крупным художественным явлением в жизни советского искусства.

Ю. ДОБРЯКОВ

Рядом с Богданом Хмельницким его верный сподвижник — казачий полковник Иван Богун. Фото Я. Халипа.

В антракте дирижер В. Пирадов и ведущий режиссер А. Сприглиценно беседуют с исполнителями основных партий оперы.

Богдан Хмельницкий встречает послов Москвы.

В песнях козаарей отразились боль и гнев простых людей Украины, страдавших под гнетом иноземных захватчиков.

Народный вождь Максим Кривонос поднимает крестьян на борьбу с захватчиками.

Девушка-воин Соломия, с оружием в руках сражающаяся за освобождение Украины (заслуженная артистка УССР Л. Рудинко).

«ПИЩА БОГОВ»

ЖИЗНЕННЫЕ АМИНЫ

...Пища богов! — это восторженное название выразил у него в первую минуту, но Беннеттон тотчас же признал его неуместным: окрестить свое открытие «пищей богов» ему показалось дерзостью.

— Ну да, знаете ли, — говорил он, — потирая руки и верно помысливая, — это представляло интерес не с одной только теоретической точки зрения...

Затем, нагнувшись к уху профессора Реауды, прошептал:

— При надлежащей постановке дела мы могли бы, пожалуй, продовать это как пищу, или, во крайней мере, как составную часть пищи...

Так расуждая о реализации своего открытия двое ученых. Изобретенное ими вещество в крохотных дозах добавлялось к пище опытных живых существ, и в результате шлонок имел размеры страуса, кошка вырастала в тигра, крыса достигала величин медведя, оса, случайно наевшись «пищи богов», превращалась в орлоподобное существо... Разом с миром обыкновенных людей выплывал мир гигантов. Люди, животные, травы, питаемые «пищей богов», начинают расти с необыкновенной быстротой.

Но все это есть не что иное, как плод фантазии, богато нарисованной знаменитым английским писателем Г. Уэллсом в научно-фантастическом романе «Пища богов». В действительности же наука развивалась не в направлении создания пищи титанов. Из лабораторий не фантастических, а реальных ученых передали на фабрики и заводы методы производства современной «пищи богов», которая получила название от латинских слов «виты» и «амины», что в переводе означает жизненные амины (или — органические соединения, к которым присоединен амин).

Этих жизненных аминов, или, что то же, витаминов, не было в пище у моряков дальнего плавания и жителей Севера, и они гибли от тупого исландской болезни — цинги.

Этих жизненных аминов не хватало миллионным детям в больших городах, они болели и умирали от другой страшной болезни — рахита, — являющейся результатом светового голодания.

От недостатка жизненных аминов незаметно для себя страдают сотни миллионов людей, у них нарушается питание клеток, снижается сопротивляемость организма к заболеваниям, падает работоспособность, задерживается рост, расстраивается нервная система, организм быстро изнашивается и преждевременно погибает. Советские ученые ободели эти и многие другие болезни, появившиеся вследствие недостатка витаминов.

В течение своей жизни человек съедает «каравай хлеба весом» в 6 тысяч килограммов, выпивает «кружку» молока объемом в 6 тысяч литров и «стакан» воды, вмещающий больше 10 тысяч литров. Кроме того на «обед» ему съедает «мясная котлета» весом в 4 тонны, а на «завтрак» двухтонный кусок масла. К «чаю» ему требуется 4 тысячи килограммов сахара, а при приготовлении «обедов» расходуется около 30 тысяч килограммов ошей и фруктов. Один «спешкотик» соли к такому «обеду» весит полтонны.

Жиры, белки и углеводы — вот основные элементы пищи, которые транспортируются кровью из кишечника к различным органам тела. Выделяемая при химической изменении этих веществ энергия необходима для поддержания жизни.

Жиры и углеводы потребляются организмом в качестве «горючего» материала. Белки идут главным образом на построение новых клеток, и введя их не успевает впитавшийся. Но существуют еще три категории веществ, крайне необходимых для организма, — это вода, соли и витамины.

Вода и соли поддерживают в организме определенное осмотическое давление, играющее важную роль во многих физико-химических процессах, кроме того они растворяются при построении костей, хряща и участвуют во многих биохимических процессах.

Витамины же присутствуют в пище в неизмеримо малых количествах. Количество витаминов, потребляемых человеком в течение жизни, измеряется не гектограммами, как напитки, и не тоннами, как продукты, а буквально граммами. Ничтожно малые дозы витаминов активно участвуют в тех химических превращениях, которые принято называть обменом веществ. Они ускоряют и регулируют химические реакции в организме.

СЕМЕЙСТВО ВИТАМИНОВ

Для организма человека наиболее необходимы витаминами «А», «В», «С» и некоторые другие. Все они подробно изучены, выяснено их химическое строение, изучено и их действие на организм.

Витамины «А» — витамин роста. Он необходим для поддержания в здоровом состоянии кожных покровов, слизистой оболочки глаз и для сохранения нормальной остроты зрения.

Витамины «В» — вещество сложное. На сегодня в нем насчитывают несколько различно действующих витаминов. Из них витамин «В₁» наиболее важен. Его отсутствие влечет за собой расстройство нервной системы и сердечной деятельности, так как в тканях накапливается пропионовградная кислота — продукты неполного сгорания углеводов, что даже при очень малом недостатке витамина «В₁» служит причиной быстрой утомляемости.

Накопляющаяся в результате расщепления углеводов в крови и в тканях организма пропионовградная кислота вызывает нервные и сердечные расстройства, когда действие этой кислоты во-время не приостановлено.

Только молекулы замечательного витамина «В₁» способны защитить необычайно чувствительные к кислоте ткани сердца и мозга путем разложения или окисления пропионовградной кислоты в организме.

Витамины «В» много содержат свежие овощи: лук, морковь и другие, — однако в процессе варки содержание их уменьшается почти ли не в тысячу раз.

Не менее тонны дрожжей расходовалось раньше на добычу одного грамма витамина «В₁». Как массовое лекарственное средство оно было недоступно. Сейчас советские химики Г. В. Челншев, З. В. Беневоленская, В. Г. Лебедев и И. М. Лисинский разработали и внедрили в промышленность метод производства синтетического витамина «В₁». За это правительство присвоило им звание лауреатов Сталинской премии. Синтетический витамин

«В₁», добавленный в готовую пищу, не только компенсирует разрушившийся при варке природный витамин, но и способен безвредно насытить пищу людей страдающих от цинги.

Прежде тысячи людей страдали от цинги. Это при отсутствии в организме аскорбиновой кислоты — витамина «С» — происходила болезнь десен, порча и выпадение зубов. Теперь цинга навсегда вычеркнута из списков болезней в нашей стране.

Витамин «С» много содержит кислая (квашеная) капуста и шиповник. Но чтобы обеспечить население всего Советского Союза необходимым количеством этого витамина, потребовалось бы на огромной площади разводить плантации витаминных растений. Сбор же плодов шиповника, растущего в естественных условиях, лишь в незначительной мере может покрыть необходимую потребность в витамине «С». Вот почему советские ученые избрали путь химического синтеза витамина. По способу, созданному нашими химиками, витамин «С» вырабатывают сейчас из глюкозы в требуемом количестве.

Правительство высоко ценит работу по осуществлению этого плана даже той самой лаборатории «С» аскорбиновой кислоты. За эту работу удостоены звания лауреата Сталинской премии Г. Н. Лебедев, А. Д. Безубов, А. Н. Болотов, П. Е. Вуль, Е. П. Ярощ, Л. О. Шнайдман, Е. А. Чесночков и А. А. Шмидт.

ХИМИЧЕСКИЙ «ИЛЬЯ МУРОМЦЕ»

Давно известно, что тресковый жир обладает антиракетическими свойствами. Он содержит витамин «Д», который извечивает и предохраняет от рахита и регулирует в организме обмен кальция и фосфора. Без него кости становятся тонкими, мягкими и искривляются, зубы развиваются медленно.

В 1925 году химики нашли новое вещество — холестерин, — которое также извечивает от рахита. Анализ показал, что у холестерина имеются примеси, а химик не любит посторонние примеси у вновь открытых веществ.

Началось очищение холестерина, так как в чистом виде он не давал той самой витамин «Д», что содержится в тресковом жире.

Исследователи торжествовали: получен чистый холестерин. Нетерпеливые медики стали немедленно испытывать его на животных. Но... что, перекрасило даже «грязный» холестерин, теперь в самом чистом виде он не давал никакого эффекта. Пришлось возобновить поиски неизвестного вещества.

И на сей раз его нашли не в холестерине, а в примесях к нему, в тех ничтожных количествах примесей, от которых с трудом удалось освободиться.

Новое вещество обладало значительно большей активностью, чем тресковый жир или холестерин.

Стал изучать это новое вещество — и снова неожиданность. Оказалось, что все труды и изобретательность были потрачены на открытие уже давно известного химического вещества — эростерина.

Искадя, как говорится в таких случаях, вчерашний день. Больше 20 лет прожелело на полях химических лабораторий то вещество, dallo миллиграмма которого оказывают действие, равное целому литру свежего трескового жира.

Эростерином снабжали нас ранние растения, а в организме человека он под влиянием солнечных лучей переходит в витамин «Д». Получаемый сейчас синтетическим путем витамин «Д» — это «облученный» эростерин. Он не требует дополнительного облучения в организме.

ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛИТЕЛИ

На операционном столе хирурга сравнительно часто попадались больные, которые после прекрасно проведенной операции все-таки умирали от рака в груди или в кишках.

Во всех таких случаях выяснялось, что больные страдали несвертываемостью крови.

Это считалось тяжелым и неизлечимым заболеванием. Небольшая порцияна долго кровотока, и человек сразу ослабевал от потери крови. Поиски тщательного исследования было обнаружено, что такая болезнь вызывается отсутствием в организме витамина «К».

Свертывание крови, как оказалось, есть процесс превращения кровяной плазмы — фибриногена — в нерастворимое соединение — фибрин. Этот процесс осуществляется при содействии витамина «К».

Советский химик М. М. Шемякин расшифровал строение витамина «К». Синтез витамина «К» впервые осуществил академик А. В. Палладин. Теперь эти витамины в необходимых количествах вырабатываются на заводах.

Строение и химические свойства витамина «К» подсказали нашим химикам, что такими же кровоостанавливающими свойствами должно обладать и другое, уже известное, но более простое химическое вещество, называемое труднотыгиваемым изменен — бетаметиллафтохином.

Медики не замедлили проверить новое средство на животных и обнаружили, что оно действует значительно сильнее, чем витамин «К». Так была одержана новая победа химиков над природой. Им удалось построить молекулу вещества, более лучшего, чем то, которое накапливает природа в различного вида рыбе, также и в печени.

БОРЬБА ЗА ДОЛГОЛЕТИЕ

Совсем недавно считали, что применять витамины нужно только при заболеваниях.

Это неправильно, так как некоторые, почти незаметные изменения в состоянии организма в виде утомления глаз, слабой головной боли и других недомоганий, могут быть результатом недостатка витаминов в пище.

Организму необходимы все витамины, правда, в различных количествах. Максимально они нужны при большом нервном и физическом напряжении, при инфекционных заболеваниях, ранениях и т. п.

Но витамины неодинаково распространены в пищевых продуктах. Белый хлеб, например, в отличие от черного почти совсем не содержит важнейшего витамина «В», а между тем с ростом благосостояния советских людей повышается как раз потребление лучших сортов белого хлеба.

Зимой особенно ощущается недостаток витаминов в пище, так как даже в свежих овощах и фруктах с каждым месяцем их лежания количество витаминов резко снижается. Поэтому особенно усилить необходимо контроль консервированных витаминов, вырабатываемых на заводах. Организму ребенка и взрослого необходимы все витамины.

Советское правительство, заботясь о здоровье трудящихся, своим постановлением от июня 1952 года ввело обязательную продажу белого хлеба и кондитерских изделий. Это распространяется теперь на консервы и на другие продукты.

Витаминизация продуктов, проводимая в Советской стране, — это не коммерческое, а оздоровительное мероприятие. Оно имеет не преходящий, не эпизодический характер, а постепенно развивающийся и непрерывно улучшающийся систему народного питания, питания в масштабе всей страны. И теперь, едите ли вы хлеб, кушаете ли мороженое, лакомитесь ли кондитерскими изделиями и другими распространенными продуктами питания, вы независимо от времени года всегда имете в этих продуктах полноценные витамины в количестве, необходимом для организма.

В Советском Союзе наука о витаминах и витаминная промышленность поставлены на службу здоровью народа. В капиталистических странах научные открытия являются предметом торговли или со стороны самих ученых, подобных Бенксингтону и Резвалу, или же, попадая в руки капиталистов, эти открытия превращаются в средства наживы, а средства, позволяющие выколачивать деньги из населения.

В мире нет другой страны, где правительство проявило бы такую заботу о здоровье населения, как в Советском Союзе. У нас все достижения науки поставлены на службу интересам народа.

В СССР теперь нет рахитичных детей, как это было раньше в России и как это до сих пор имеется в больших городах капиталистических стран.

СССР впервые в мире разрешил проблему витаминизированного питания в масштабе всей страны и для всех граждан без исключения.

Рисунки Г. Валашова.

Евг. БОСНЯЦКИЙ

СМОТРИ, САША!

С НАТУРЫ

Электровоз Загорск—Москва подал к платформе. Он простоял еще минуту десять на станции, но пассажиры спешат войти в вагоны. На нескольких загорских заводах полчас назад окончилась дневная смена. Рабочие и служащие торопятся домой: в Хотьково, Ашукинскую, Софрино, Пушкино... Одним из первых вырывается в вагон человек лет двадцати пяти. Садится к и быстрой фукусника раскладывает на своей скамье и напротив четыре предмета—портсигар, коробку спичек, кепку, белое шелковое кашне. Поколебавшись не больше секунды, он вынимает из кармана и кладет на птвое место связку ключей.

— Саша,— кричит он,— сюда, Саша! Сесть в вагоне уже негде. Старушка с тазикой корзинкой в руке, недоумевая, смотрит на захваченный прыжком молодой человеком места. Он делает предупредительный жест и говорит со спокойной наглостью: — Не надейся и не жди, бабуся. Тут завинчено крепко. Видишь, в углу борода? Сходит в Хотьково. Целишь на то место, бобус!

Тем временем подходит Саша, парнишка лет двенадцати, в замусоленной кепке, а куртке со следами машинного масла. Он протягивает лохот отмытую после работы руку.

— Здорово, Лешка,— говорит он и почему-то не смотрит товарищу в глаза.

— Можно поздравить с ползунок!

— Плохо, Лешенька,— парнишка все больше смущается.— Заполор в этом месяце три ответственные дела. Мамаша ждет пятисот, а везу ей триста... Потерли, Леша! Наше дело маленькое. Принесешь мамаше двести. Еще великий потт сказал: «Пусть проигравший платит, кляня свою судьбу». Закон, Саша!

К занятиям Лешкой местам пробираются еще четверо—все молодые рабочие ребята.

— Здорово, Лешка!— по очереди говорят они и, поворачивая ему руку, садятся. Один из них—очень высокий, худой, с лицом сосредоточенным и унылым—смотрит в окно, за которым

виден ярко освещенный киоск, в глубине которого поблескивают бутылки.

— Переживания, Толя!— с веселой усмешкой спрашивает Лешка.— Плонь на все и береги здоровье! Помни, Толя, если появляются мысли, тоска, игра совести и тому подобное—делай вывад: недобор. Добавляй сто пятьдесят с прицелом, будет порядок, ты олять человек. Туа—обратно три минуты!

Высокий срывается с места, проталкивается к выходу.

— Подожди, Толя, и я с тобой!— кричит Саша и бежит за ним.

В окно видно, как поворачивает ручку автомата продавец, нажимает в стаканы водку, наливает друзьям по кружке пива. Машинист дает сигнал, поезд трогается, Саша и Анатолий вскакивают на ходу.

...Лешка тусует колоду карт. Остальные внимательно следят за его движениями. Он раздает по три карты, шепотом называет сумму. Его пальцы действуют быстро, ловко. На них нет мозолей, нет глубоких, темных, непромываемых морщин... На четырех пальцах правой руки вытатуировано по букве: «Л-В-Ш-М». Это говорит о многом, это как таперо. Одет он тоже по-другому, чем пятеро его товарищей. Пестрая кепочка, выкроенная кустарем из перелицованного заграничного жилета, почти спортивная куртка с накладными карманами, добротные хромовые сапоги, приспущенные гармошкой; на них самостоят темносиние шерстяновые брюки. Глаза у него дерзкие, все замечающие, взгляд пытливым...

Если же спросить ребят, которые его сейчас окружают, что он за человек, все единодушно скажут:

— Душа переня!

А другие пассажиры, которые каждый день возвращаются с работы эти поездом, кто скажут они! Что скажет проводница, пожилая женщина, сидящая у двери и наблюдающая за порядком! Она ведь тоже не первый раз видит Лешку в кругу его молодых друзей. Старушка с корзинкой все еще стоит. Боро-

дан не сошел в Хотькове. Зато сошел один из игроков. Старушка двинулась влево в ту сторону, но Лешка положил на освободившемся месте шапку. Старушка отфырка рот, хотела запротестовать. Пожилой рабочий остановил ее: — Что ты, мать! Не ввязывайся! Я вот на следующей сойду — съядешь...

И проводница добавляет:

— Это такая компания — лучше подальше! Прошел контролер, проверил билеты. В лежачей компании казачья, конечно, не было. А то, что у всех ребят лица выражали нетерпеливое, злое ожидание, то, что из лежачего рукава вывалился бумажный туз, контролер не заметил. Не заметел — не заметел.

В самом деле, стоит ли придираться? Ребята ведут себя тихо, никого не трогают, семечек не лугают, не курят... Ведут запрещенную в поездах азартную игру... Что с того! Денегто снаружи не видно. Денги они передают друг другу в сжатом кулаке. Попрошай, вынешься...

Но только шашк контролер, происходит нечто необычное. Саша, тот самый парнишка в замусоленной кепке, страшно побледнев, поднимается со своего места, наклоняется к Лешке и говорит свистящим шепотом:

— Ты прохват, жулик! Ты... как это?... Ты шулер! Да, да!

Быстрыми шагами, не оглядываясь, он идет к выходу.

— Смотри, Сашка! — несется ему вслед. Парнишка оборачивается, зло в упор глядит на Лешку.

С языка его чуть не срывается остротатальная брань. Но он сдерживается.

— Я тебя низколю не боюсь!

С этими словами он выходит в тамбур, торрющими движениями достает сигареты, дрожащими пальцами зажигает спичку, делает несколько глубоких затяжек. Он слышит, как Лешка говорит:

— Не за то мать сына била, что играл, — за то, что отыгрывал!

Саша сходит на платформе 55-го километра. Поезд ушел, и сразу стало тихо. Качается на ветру фонарь, вырыва на темноты припрощенные снегом влоные лавы. Кругом стоят высокие ели, среди них вывет в сугробах тропинка. До поселка, в котором живет Саша, до того домика, где ждал его сейчас к обеду мать и младшая сестренка, три километра. Слева надо идти по лесу, потом по широкой,

пустынной дачной улице. Такая прогулка, если идти не торопясь, — отличный отдых. Как же любил он раньше этот тихий час после работы! Как нравилось ему еще прошлой зимой идти, поскрипывая по снегу валенками, перебира в памяти рабочей свой день, мечтать, строить планы, думать! А в день получки он нес с матерью и сестренке маленькие сюрпризы, подарки.

Теперь он ненавидит эту дорогу. Ненавидит именно потому, что остается на ней один и нельзя же думать; приходится, как и раньше, перебирать в памяти события прошедшего дня... Ничего хорошего не было. Лешка говорит: «Сто пятьдесят с прицепом, и мыслим не будет, игра совети прекратится». Но здесь, будто нарочно, даже казбегаловкин нет.

И вот стоит в радужные моменты товарища большого загорского завода Саша Струнников, бывший стахановец, бывший активист комсомольской организации, бывший читатель библиотеки, бывший... Стоит и покурывает новой сотенной бумажкой, тербит ее в правую брючонку кармане. Это все, что осталось от получки, от трехсот двадцати рублей, которую выдал сегодня кассир. Обрывки мыслей проносятся в его голове. «Ну и програв! Кому какое дело! Мои деньги, я их заработал, не мамаша. Как хочу, так и трачу. Что я, не мужичин! Чем я хуже другим! Так он подбадривает себя. Но ему страшно. Он знает, мать не будет ругаться: ведь он кормилец. Покорно пойдет он к соседям и попросит подождать долг до следующей получки. А сестренка только глянет на него жалостливо и отвернется... Тяжело, ох как тяжело идти сегодня домой!

Саша прислушивается, нет ли электрички. Все равно, в какую сторону. Можно поехать в Пушкино и можно вернуться в Загорск. Есть еще соня, — значит, найдется и «дружья».

Верной походкой идет по перрону милиционер. Смотрит на женщину, дрыплющую у кассы; рядом с ней, на скамье, чепуховед. Милиционер переводит взгляд на Сашу. Это оценяющийся взгляд. «Нет, — решает, наверное, постояю, — рабочий парень, он просто немного подгулял. И все же, не всякий случай, он подходит к женщине, трясет ее за плечо: — Проснитесь, гражданочка, пока не поздно! До Саша доносится эти слова. «Пока не поздно!» Да, он запутался, ему не везет. Не только сегодня, последние три месяца он проигрывает. И никак не удастся отыграть. Волны невезения. Везде — и на работе, и по общественной линии, и дома. Вот если бы

отыграть... тогда все пойдет по-другому. Он отдал долги. Он купил сестренке пальто, а матери теплые шерстяные платки... А потом он решительно порует с лежачей командией, бросит пист, никогда не возьмет в руки карты. Он будет ездить домой в другом вагоне. Только бы отыграть!

Но игра свои законы. Выигравший утешается. Это ведь общие деньги. Лешка — тот не скупится... Где же в таком случае выход!

Вот и поезд из Загорска. Саша ступивается лицом к лицу с Петей, бывшим комсомолком завода. Петя сейчас работает в горючке комсомола. Встретившись взглядом с Сашей, Петя отворачивается. И тут ядрут в порыве чувств, может быть, даже отчаяния, Саша хватает его за рукав.

— Что? — Петя отрывая его пальцы от рукава своего пальто... Мы с тобой на бюро достаточно говорили. Лиди проспится!

— Петя!

— Я тридцать лет уже Петя... Завтра зайдешь ко мне в горючку.

Поезд трогается. Саша вскакивает в вагон на ходу. Он слышит, как вслед ему несется:

— Смотри, Саша!

Это кричит Петя. Сам он уже «исчезает» не хочет, чтобы Саша, что им все сделано. На бюро говорили, оргвыводы записали, а сейчас время нерабочее. Не может же он заниматься воспитанием на каждом полустанке!

И вот Саша опять один. Его порыв остался без ответа.

Через двадцать минут Саша сходит на станции Пушкино. Протягивая продавцу киоска хрустящую бумажку, он требует:

— Полтораста с прицепом!

Нет ответа, не придет Саша в горючку комсомола за официальным нагоняем. Единственным руководителем его скоро станет Лешка. Забудется ссора, он даже почувствует Саше, одолжит до получки...

Поезд, в котором едет Лешка, приближается к Москве. Игра не остановилась ни на минуту, хотя компания все переменялась. Она менялась постепенно: одни выходили, другие входили, включались в игру... Ребята из Софии, из Пушкино, из Мытищ.

Эти молодые люди не всегда знают друг друга. У них нет никак точных соприкосновений, кроме игры и выпивки. Их объединяет, ими руководит Лешка. Это его «бизнес», так он сам называет.

Лешка бескомпромисно сидит на своем месте от самого Загорска. Правый карман его куртки распух от небрежно засунутых туда скомонных денег. Глаза его лихорадочно поблескивают... Кто сказал, что он никогда не проиграет! Только что он протянул сидельцу напротив юноше сложенную четверо сотенную бумажку.

— Закон, Коля! — Потом, обращаясь ко всей компании: — Колье сегодня фарит. Колье угодит! Сбор ровно в девять. В «Якоре!» Девачат приглашено и угощено я.

Поезд замедляет ход, Лешка идет к выходу.

— Давай, бабуся, помогу! — говорит он старушке и берется за ручку ее тяжелой куртки. Старушка истинно завывает обидными рыданиями на свою ношу. — Не волнуйся, бабуся. Можешь доверит!

Он выносит корзину, помогает старушке выйти на перрон и даже раскланывается на прощание.

Хороший парень Лешка! Свой парень! Ребятам нравятся его ухастики, его уверенный тон, широкая натура, щедрость.

Щедрость обходится ему недаром: он швыряет не свои деньги. Он давненько не раз Котлету угощает! Сбор ровно в девять... все это маскировка. Хоть и не жил Лешка при капитализме, он честный предприниматель, содержатель передвигного карточного притона, осклок буржуазного мира. Это, впрочем, еще не все. Лешка ведь не только обдуривает людей, он прививает им свою мораль: жажду легких денег, презрение к труду, стремление к беспрепятственному наслаждению.

Незамытно, тихой сапой, без влзлака, не вступая в конфликт с угодованным обидком, вовлекают подобные лешки в свой круг хороших рабочих ребят.

Смотри, Саша!

Первый блин — и не комом!

ФОТО Е. ТИХАНОВА.

Зимой на реке

Над излучиной реки, вздрагивая под порывами ветра, летят носые крылья белых парусов. Это буера. Они скользят по прозрачному годубому льду замерзшей реки, оставляя на нем ровные следы. Только изредка ветер выхватывает из-под юнгов буера выкири снега. А справа и слева пронесется необозримые поля, покрытые белой, искрящейся пеленой снега, прибрежные рощицы, осыпанные причудливыми узорами инея.

Тот, кто мчался на буере, кто делал резкие повороты, мгновенно меняя паруса, тот знает, как интересен буерный спорт. Разный ветер обвистает лицо, колочные иголки снега летят в глаза, ударяясь о стекла очков. От быстрого движения, от неожиданных поворотов захватывает дух.

Буерные гонимы — спорт больших скоростей. На буере можно развить скорость более ста километров в час. Но, чтобы управлять на при такой скорости, необходимо быть опытным, сильным, ловким. А эти качества не приходят сразу, их воспитывает спорт.

На буерах можно проводить не только соревнования, но и интересные прогулки, походы.

БЫСТРЕЙШИЙ В МИРЕ

Более 40 лет назад, зимой 1913 года, на катке Крестовского острова в Петербурге разыгрывалось первенство Европы по конькам. Две медали — серебряную и бронзовую — завоевал никому не известный москвич Платон Ипполитов. Много побед одержал с тех пор Платон Ипполитов на международных соревнованиях, защищая честь русского и советского спорта. Около сотни медалей, жетонов, значков украсило грудь спортсмена.

Молодой конькобежец москвич Юрий Сергеев впервые встретился с заслуженным мастером спорта Платоном Афанасьевичем Ипполитовым в 1949 году в Москве, на стадионе «Динамо». С некоторым уважением рассматривал Юрий отечественные и иностранные медали, украшавшие грудь ветерана конькобежного спорта, внимательно прислушивался к тому, что он рассказывал.

Юрий Сергеев с детства увлекался коньками. Но именно в этот памятный для него день на шумном стадионе «Динамо» окрепла, окончательно оформилась его давнишняя мечта — установить рекорд, личным достижением еще выше поднять престиж советского спорта.

И вот зимой 1952 года Юрий Сергеев стал обладателем золотой медали на красной муаровой ленте. Медаль подтверждает, что ее выданы — быстрейший конькобежец мира. Это почетное звание Юрий вырвал в упорной борьбе у зарубежных спортсменов.

Борьба началась, пожалуй, еще тогда, когда противники не знали друг друга. В 1938 году газеты сообщали, что норвежский конькобежец Энгистагнен устанавливал новый мировой рекорд в беге на пятьсот метров.

Спустя одиннадцать лет, в 1949 году, когда другой норвежский скоростной, Фарстад, повторил этот мировой рекорд, Юрий Сергеев уже хорошо бегал на коньках.

Быстро идут дни, недели, месяцы. Если сложить в одну линию все километры, которые пробежал на тренировках Юрий Сергеев, то она пронизала бы от Москвы до Владивостока, а может быть, и дальше. Но упорные тренировки не прошли даром. У Юрия выработался прекрасный стиль, отточенная техника, то есть как раз то, что необходимо спринтеру.

Вряд ли когда-нибудь забудет Юрий Сергеев один из январских дней 1952 года, когда на высокогорном катке Медве, близ Алма-Аты, проходили соревнования на приз Совета Министров Казахской ССР. В забеге на пятьсот метров он вышел победителем, установив новый мировой рекорд — 41,7 секунды. Рекорд норвежца, продолжавшийся 14 лет, оказался побитым. Многие утверждали тогда, что это случайность. Но через несколько дней Юрий подтвердил, что он быстрейший конькобежец мира: он стремительно прошел дистанцию, и мировой рекорд стал равен 41,2 секунды.

Известный финский спринтер Тунберг заявил, что пятьсот метров за 41,2 секунды на нормальных дорожках пробежать невозможно, нужна наклонная выработка. Но тот же самый Тунберг, увидев Сергеева на тренировке, восхищенно сказал, что дело не в наклонных выработках на бетонных дорожках, а в изумительной технике бега, которой владеет Сергеев. Он согласился, что Юрий Сергеев — действительно быстрейший спринтер мира.

Прошел год. В январе 1953 года Юрий Сергеев снова вышел на ледяную дорожку. И на этот раз его бег отличался стремительностью и красотой. В таблице мировых рекордов вновь произошли изменения. Пятьсот метров Юрий Сергеев пробежал за 40,9 секунды. Это блестящий результат.

Юрий Сергеев — достойный продолжатель традиций советского конькобежного спорта. Сейчас советский скоростной в отличной форме, и мы вправе ожидать от него новых рекордов.

Н. ФОМИЧЕВ

Юрий Сергеев финиширует...

Внимательно слушали молодые конькобежцы Юрий Сергеев, Борис Березин, Евгений Гришин заслуженного мастера спорта СССР П. А. Ипполитова, Снимок 1949 года.

Фото А. Бурдукова.

БИЕНИЕ СЕРДЦА

В январе 1924 года вышел в свет первый номер нового журнала. Назывался он «Смена». На его обложке было написано: «Журнал рабочей молодежи». Воспитать трудящуюся молодежь в коммунистическом духе, посылать ее политической грамотности, расширять ее кругозор, бороться за новый быт, за новое отношение к труду — таковы задачи поставил перед собой журнал. И так, к кому обращался «Смена», о ком она писала, — молодые рабочие, рабфактцы, сельские комсомольцы — с первых же номеров приняли журнал, оценили его как свой.

Перелистываешь страницы «Смены» — тридцать годовых подшонок — и будто знакомишься с биографией современника великих событий, событий, которые переживала наша страна.

Общаясь в леса новостроек, страна готовилась к обороне, проводила коллективизацию, создавала гиганты индустрии. И повсюду в передовых рядах были комсомольцы. Они осуществляли пятилетки в четыре года, шли добровольцами во флот, закладывали новые города, выпускали первые трактора, перерабатывали производственные нормы и ставили мировые рекорды по спорту.

«Смена» писала о молодых рабочих, ударниках Магнитки и Днепродзержинска, о первых комбайнерах-комсомольцах совхоза «Гигант», поднимала вопросы коммунистической морали, сообщала о достижениях советской науки, боролась с пережитками в сознании людей и призвала осваивать новую технику. Многообразие жизни комсомольца, разносторонний интерес молодежи, и журнал стремился показать все это на своих страницах.

Большим испытанием, выпавшим на долю молодого поколения, была Великая Отечественная война. Не зря страна социализма подняла весь советский народ. «Что ты сделал для победы над врагом?» — звучал голос матери-Родины. Молодежь уходила в армию. Только за первые три дня войны в райкомы и военкоматы Москвы было подано 50 тысяч заявлений от комсомольцев с просьбой послать их на фронт добровольцами. Юноши и девушки становились к заводским станкам, спустились в шахты, научились управлять тракторами. Они заменили своих отцов, занятых ратным делом.

В эти грозные дни формат «Смены» порой не превышал размеров школьной тетради, в ней уже не было красочных иллюстраций. «Смена» стала военным журналом. Она рассказывала о мужестве советских воинов, о

«СМЕНЕ» 30 ЛЕТ

самоотверженном труде тех, кто нес бессонную вахту в тылу.

Отгремели сраженья. Водрузили знамя победы над поверженным райстагом, советский народ приступил к мирному труду.

За короткий срок восстановленные шахты Донбасса дали первый уголь, с конвейера Харьковского тракторного завода вновь стали сходить машины для колхозных полей, из руин поднялся новый, возрожденный Сталинград. Вся страна овеяна высоким трудовым подъемом.

И журнал повстает о героических делах советской молодежи, показывая ее участие в строительстве коммунизма, ее борьбу за мир во всем мире.

Тридцать лет живет «Смена». На ее страницах выступали Н. Крупская и Г. Крижановский, А. Толстой и И. Эрзенберг, П. Робсон и Пабло Неруда, трижды Герой Советского Союза А. Попрышкин и художник С. Герасимов, колхозница М. Демченко и академик А. Неспянов. Общественные деятели, знаменитые писатели, известные рабочие-рационализаторы обращались к молодежи, учили ее жить, мыслить, трудиться.

Последние несколько месяцев после организации журнала в редакцию вошел огромный рост человек. Ему не надо было называть себя, его узнали сразу — Маяковский. Непотоптанный бас заполнил комнату: поэт читал стихи, написанные для молодежи. Это были

стихи «На учет каждого мелочикша», посвященные борьбе за новый быт. Трижды печатал Маяковский свои стихотворения в «Смене». И всегда это были отрывки из цикла о подрастающему поколению: идти вперед, к коммунизму.

Наша жизнь — в грядущее вьется, — писал он в стихотворении «Красная звезда». Одно стихотворение называлось «Выволкивайте будущее»:

Коммунизм
на только
у земли,
у фабрик в поту.
Он и дома
за столом,
в отношениях
в семье,
в быту.

Молодые читатели и сами писали в «Смену», делились планам, рассказывали о делах своих товарищей.

Многие поэты, писатели, журналисты начинали свой творческий путь со страниц «Смены». Здесь были опубликованы первые рассказы М. Шолохова, Н. Богданова, очерки Б. Галина. В 1924 году на страницах журнала была дана литературная консультация начинающего поэта из Смоленска. Пришло время, и имя поэта М. Исаковского стало известно всей стране. В «Смене» постоянно печатали свои новые стихотворения А. Базыменский, И. Уткин, М. Светлов. В «Смене» выросла целая плеяда поэтов и писателей «комсомольского признава». Эту традицию — поддерживать талантливых писательскую молодежь — журнал сохраняет до сих пор, печатая рассказы, очерки и стихи молодых авторов.

За тридцать лет неизмеримо выросли запросы читателей «Смены», повисли их требования.

Редакция еще немало предстоит сделать, чтобы «Смена» стала любимым журналом молодого поколения строителей коммунизма.

Этого нельзя добиться без глубокого, постоянного изучения жизни, без широкого авторского охвата, о комсомольцах за высокое качество каждого публикуемого материала. Надо, как писал в свое время В. Куйбышев, обращаясь с приветствием к журналу, «уметь слушать биение сердца нашей славной молодежи».

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

В нашей стране давно какнули в вечность времена, когда писателю в одиночку творил свой роман, повесть, рассказы, очерки и статьи, когда вокруг тех или иных журналов создавались узкие, замкнутые группы «избранных» литераторов, задиравших тон на страницах этих журналов. «Писатель посылает, читатель почитывает», — говорил Владимир Ильич Ленин, имея в виду именно такие, оторванные от жизни журналы, таких литераторов, никогда не вышедших своих читателей из лица.

В наше время, в нашей Советской стране нельзя назвать ни одной газетой или журналом, которые бы ежедневно, ежечасно не чувствовали пристального, горячего интереса своих читателей ко всему, что появляется на их страницах. Чем живее, острее тот или иной журнал ставит вопросы коммунистического строительства, вопросы быта, морали, тем шире круг его читательского актива, полнее и многообразнее связь журнала с жизнью, с реальной действительностью. В свою очередь, без поддержки со стороны читателя, без его дружеской критики, своевременного совета нельзя поднять, выжить из общей массы именно те вопросы, которые сегодня более всего волнуют читателей.

Редакционная почта «Смены» ежедневно принимает десятки писем, стихов и рассказов начинающих авторов, корреспонденций из разных уголков страны, очерки и зарисовки.

Широк круг вопросов, затрагиваемых читателями в их письмах в редакцию. Из города

Сталинка нам пишут о школе знатного торговца Серого, о горнозаводских слободах, о Кеморова — о комсомольцах Южбаса, на Коростень, Житомирской области, сообщают о том, что в селе Лутинки создан женский колхозный хор под руководством колхозницы Марии Самула, известной в районе песенницей. Из Саратова рассказывают о лучшем поваре столовой № 35 Саратовского треста столовых и ресторанов комсомолке Клавдии Нефедовой. Читатель из Кисловодска пишет о Коле Петришине, ученике 9-го класса одной из кисловодских средних школ, который стал пионервожатым, о перемыч трудностей в его работе и первых удачах.

Но самое большое количество корреспонденций — и это вполне естественно — посвящено важнейшему событию прошедшего года — постановлению центральбюро ЦК Пленума ЦК КПСС. Из самых различных городов и сел нашей страны читатели рассказывают в своих письмах о тем изменениях в жизни колхозников, которые произошли после этого исторического постановления.

Читатель Быльк К. П. (г. Изюм, Харьковской области) в очерке «Возвращения» рассказывает о демобилизованном воине, вернувшись в свою МТС. Читатель Глебов Н. А. (г. Челябинск) посвящает свои очерки животноводам Тургаи.

«У стены беленского дома, в тени все еще зеленой ветки, стоял дев фотур — маленькая женская и большая мужская».

Эмилия Деца со своей подругой Эминой Мысывенч.

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Эмилия хорошо помнит, как в раннее январское утро 1945 года ее отец Ян Деца выехал на улицу, потом вернулся, сорвал с окна цветок герани и крикнул: — Вставай! Русские пришли!

Это был первый день великого перелома. За ним чередом шли дни удивительных новостей. В Польше устанавливалась народная власть и земля помещиков отдали крестьянам.

Для Эмилии началось новая жизнь. Вскоре отец отправил ее в Краков, в школу. Вернулась она через два года. Школа научила ее смотреть на много по-новому и по-новому оценить виденное. Теперь она поняла, что раздел помещицей земли — это только начало большой работы, сделать нужно еще много. Большинство крестьян имело по три — пять гектаров земли, а некоторые — Формаций, Зентек, Донец — по пятнадцать — двадцать. Это была кулаки.

В деревне шла скрытая борьба. Кулаков ненавидели, но тот, кто не имел лошадей, макенуе пахоты шевя к богатому односельчанину с поклонном.

С помощью товарищей из Мехова в Радевице организовалась ячейка Союза польской молодежи — маленький коллектив юношей и девушек, смелых поборников новой жизни. Эмилия была одним из организаторов ячейки. Уже давно в Радевице ходили толпы о том, что мелкие хозяйства начинают объединяться в кооперативы. Но эти разговоры в деревне были встречены недоверчиво: слишком все казалось необычным.

Однако многое изменилось после повозки солтуса (старости) Яна Бала в Советский Союз в 1950 году. Бала был человеком, которого ценили, уважали в деревне: спокойный, рассудительный, справедливый. Если он что-нибудь говорил, в правде его слов не сомневался никто.

Вернулся Бала возростенный, полный новых впечатлений, смелых планов и больших надежд. Он говорил о советских колхозах с большой страстностью, с убежденностью, приводя такие поразительные примеры, что люди слушали, не шелохнувшись.

В деревне Радевице начался кампания за создание производ-

ственного кооператива. Крестьяне от души смеялись, когда по вечерам в клубе молодежь представляла им комедийные сценки о кулаках, болтунах, распространявших слухи, и о простотях, которые верят этим слухам. Все чаще стали просить Эмилию и ее подругу починять свежие газеты и в первую очередь что-нибудь о кооперативах.

Спустя несколько месяцев перелом свершился. Это был великий день в истории Радевице. В маленьком зале клуба, до отказа набитом людьми, за столом, накрытым красивым пологом, стоял улыбающийся Бала, и перед ним лежала стопка завлечений. Кооператив был создан.

В августовский день 1951 года в деревню приехал трактор, чтобы вспахать межи. И, пожалуй, подлинным днем создания кооператива можно считать именно этот день. Стальные лемехи тракторного плуга по-настоящему скрепили единие крестьян.

Трактор плыл по полю, оставляя за собой широкие просторы вспаханной земли. А за ним шли женщины и плакали. Они и сами не знали, почему плачут... Хотя формально кооператив уже существовал, но настоящего коллектива в нем еще не было, он только создавался. Люди не привыкли еще к совместному труду. Бывали дни, когда многие не выходили на работу. Сначала не идут двое — трое, а остальные, узнав об этом, тоже не приходят. Охрипшему от угворов бригадир говорил: «За других работать не будешь. Только молодежь, а в главе с Эмилией два — несколько активистов постарше возрастом с зарей шли в поле. Они работали много. Им нужно было спасти кооператив не только ради себя, и ради тех, кто отсиживался в это время в хатах, переживая муки борьбы самих с собой.

Один из декабрьских дней был последним днем, завершившим рудный период становления. В клуб созвали всех членов кооператива для распределения доходов по трудодням. Шли в клуб молча, недоверие к кооперативу не было еще изжито. Но заваривались счастливые и оживленные, как с большого, радостного праздника. Много в этот день было сказано добрых и искренних слов и Бала, и Эмилия, и всем остальным мужественным энтузиастам кооператива, которые сумели вывести людей на прямую, правильную дорогу.

Вскоре в кооператив вступили новые члены. Деревня быстро богатели. За своевременную сдачу продуктов государству наградили кооператив радиоузелом со всем необходимым оборудованием. В крестьянских домах загорелись электрические лампы. На кооперативные деньги выстроили большую ферму, купили лошадей, сельхозхозяйственные машины. Весенний сев провели дружно, в срок. Кооператив окреп, наелись силами, и уже никто не сомневался в его будущем.

В прошлом году Эмилия избрана членом волостного совета Настоящих и завтрашних, она всегда от души поможет любому, если его дело справедливо. Под ее руководством молодежная организация в Радевице выросла в одну из самых активных и деятельных во всем уезде.

Польша, Радевице. П. ПОЧИВАЛОВ

Абулькасим ЛАХУТИ

ЛИСТОВКИ ДОСТАВЛЕННЫ В СРОК

Уносит подросток бесценную каады — Тяжелую связку бумаг. Скорее, нехайя ни минуты терпеть! Намокал на лбу, закурчивался прады, Все тверже, быстрее его шаг.

Ему секретарь партячейки сейчас Доверил листовки. Их в срок На место доставить дад строгий наказ, Пожаа ему руку. В тени хоронясь, Спешит вдоль оград паренек.

И сразу — погоня. Недаром давно Добычу высслеживал шпик. Бежать! Он исполнит свой дог все равно! Ударила в голову кровь, как вино, И ветер его б не настиг.

Еще переулок, еще поворот, Уж близок заветный порог. Осталос немного, вперед же, вперед, Но силы иссекали, все кругом идет, Уходит земля из-под ног.

И вот он лежит на камнях недвижым, Листовки вокруг размело. Прохожий старик нахаконился над ним, Стрел в кучу листовки: «Точь-вточь мой Селем, Что с ним приключится могло?»

Рисунки В. Трубковича.

Но тут полицейский приблизился вдруг.
Нашелся тотчас старина.
Сказал он: — Падучей страдает мой внук,
К врачу его свел, по проклятой недуг
Не вылечит сам сатани!

С такими словами, нутужас, взвалаи
Больного на пачки стария,
К себе дотащил, выбиваясь из сил,
Привел его в чувство, и сразу спросил
Тот, вновь обретая язык:

— А где же листовки? Где связка? Что с ней? —
И он оглянулся вокруг:
Как все тут знакомо! Жилища бедней
Не слышешь, — беднее, темней и тесней.
Вся утварь — кое-да бурдок.

— Зачем за такие берешься дела? —
Кивала на связку в угу,
Хозяин сказал. — Ими жизнь не мила?
И так наша доля, сынок, тяжела.
Абom хочешь прожить ты скалу?

К чему же ты губишь себя, молодец,
Труда не жалеешь и сил?
— Хочу, чтоб тебе не терзали, отец,
Чтоб хан не душил, чтоб не грабил купец,
Хочу, чтоб счастливо ты жи.

Чтоб век в кабаде не страдал мой народ,
Чтоб лямку всю жизнь не тянул,
Веду за белой не терпел, что ни год,
Не тпулус к земл от нужды и пивзгод,
Как в знойных песках саксаул.

Коль стонет Иран под пятой чужаков,
Смертельно опасен покой
И пагубен страх. Знаю путь наш суров,
Путь смелых, усыпавших партии зов,
Но жребий почтен такой.

Пойми, настоящий мертвец — это тот,
Кто, родины вида позор,
Молчит, от небес избавления ждет.
А пивший в сраженье, тот нечто живет, —
Потомков таков приговор.

Я верю, а знаю, народ победит
В решающей схватке с врагом.
Вчерашний бедняк будет счастлив и сыт,
Стать вновь молодым, друг, тебе предстоит,
И станет твой дом цветником.

Парнишка вскочил, вновь мечтой окрылен:
— Скорей! Не дожидусь друзья, —
Но с губ его тихий срывается стон,
И снова без сил опускается он
На халяку грудь грязья.

Тут с места сорвался старик, распрямил,
И вот уж стоит он в двери,
Листовки в уле, связка с ним про запас,
Как впопых, свел он и вылок сейчас:
— Куда их нести, говори!

Перевод
Т. СПЕНДИАРОВА.

АРХИТЕКТУРА НИЩЕТЫ

...Среди нуд мусора прямо под
открытым небом несут эти об-
разные люди. В их «двояк» нет
ни стен, ни потолка, он не защи-
щает от дождя и палящего лет-
него солнца. Единственное соору-
жение, ordinarily возмывающееся
посредине жилища, — подобие плиты,
которая сложена из кирпич-
ных обломков. Все обстановку со-
стоит из ржавой железной кроват-
ки, поломанной тумбочки, старого
дерявного стула и нескольких
ночных столиков.

Этот снимок сделан не в городе,
пострадавшем от бомбардировки
или землетрясения. Перед нами
один из обычных кварталов Нью-
Йоркской действительности — бедней-
шие беднейшего самого большого города
Соединенных Штатов, ютящиеся в
жидких развалинах. А неподалеку
от этих трущоб высятся большие,
роскошные здания, в которых жи-
вет промышленные воротилы и
финансовые тузы, правительствен-
ные чиновники и богатые спеку-
лянты.

Картину, подобную изображен-
ной на снимке, можно видеть не
только в Нью-Йорке. В столице
Америки Вашингтоне, где рядом
со зданием конгресса, Капитолием,
расположены полуразвалившиеся
квартиры безработных, в Чикаго, где
неподалеку от небоскребов тинту-
ют целые кварталы нищеты, в
Филадельфии и Детройте — везде
беднота живет в нечеловеческих
условиях.

В прошлом году деленово на про-
грессивная американская газета
«Нью-Йорк таймс» поместила
статью государственного комисса-
ра по жилищным вопросам Джона
Спинкена, в которой говорилось,
что «миллионы американцев жи-
вот в домах-каларах, ветхих и
находящихся под угрозой пожа-
ра». Немного раньше во многих
американских газетах был опубли-
кован отчет «Общества коммуналь-
ных услуг» под характерным заго-
ловком «Забитые кварталы нищеты».
В отчете указывалось, что
из 35 тысяч «коттеджей» Нью-
Йорка 11 тысяч полностью не
отвечают словому назначению, а
остальные 24 тысячи домов опас-
но разгерметизованы или «вищают,
охлаждая жителей». В этих домах
бедноты отсутствуют элементар-
ные удобства — нет ни света, ни
воды, ни канализации.

— Улицы в пригороде Нью-Йорка
— Бронксе. Жители называют ее

«Ремсизл Роу» — «Аллея чула-
нов». Троутар и мостовая так за-
валены мусором, что автомобили
вынуждены объезжать «Аллею чула-
нов», а промокшие с трудом про-
бираются среди хаоса консервных
банок, щелей, обрывков старых га-
зет и афиш, битого стекла. По
обе стороны улицы расположены
примитивные постройки из почер-
невшего от старости дерева, на-
поминающие казармы. Здесь в
тесных коммунальных жилищах жи-
вот Нью-Йорские рабочие и их мно-
гочисленные семьи.

— В центре автомобильной про-
мышленности Америки — Детройте,
на Мичиган-авеню, в доме № 4104,
живет безработный Джим Барнет
с семьей.
Уже в ноябре дома становится
трудно дышать: воздух сперт и
влажен. В валенной навороте
Д. Барнета, которая одновременно
служит и кухней, нет окон. Сю-
да никогда не заглядывает солн-
це, и на столе даже два года
неросшая лавина, напояная ко-
мунальным чаем и холодом. В
«квартире» Барнета нет даже умя-
ванной. Более старшая прямо
в комнате здесь не вычищается
для просушки. Как сообщает
государственный жилищный комиссар
в Детройте, в подобных условиях
живот тысячи семей бедняков.
На Тридцать третьей улице
в Чикаго стоит огромный четырех-
этажный серый маленький жилин-
дом, несущий эвистическое назва-
ние «Мекса». По обе стороны у-
лочной дорожки изгородь, похожая
на темный тоннель, расположенные
вплотную друг к другу двори
накварт. На каждой из них — пяти-
томные жилин с бесконечными ря-
дами фамилий. Нередко здесь в
маленьком помещении, иногда
тринадцать и более семейств. Лю-
ди свет где попадаю — в ванную,
под кухонными раковинами и пря-
мо на лестницах.

Так выглядит современная Аме-
рика, страна утасующих социаль-
ных контрастов. Буржуазные пи-
санцы несут из Европы пытки
уверять, что американские трудя-
щиеся живут в уютных коттеджах,
что почти каждая семья рабочего
имеет минимум по одному хо-
лодильнику и пылесосу. Однако фак-
ты опровергают их досудные вы-
мыслы, которые преследуют толь-
ко одну цель — подорвать общес-
танный фасад пресловутого «аме-
риканского образа жизни».

ТЕЛЕВИЗОР

Юмористический рассказ

Рисунки Г. Николаева.

Первыми в доме телевизор купили мы. Вместе с монтажником и лампой на крышу устанавливали антенну, а в это время мальчишки разосипали по двору ношечки:

— К Синичкиным телевизор привезли? Дядя Леша антенну устанавливает!

Моя популярность росла. Когда я спускался с крыши, все мальчишки, сколько их было, потянулись подвороваться и молча проводили меня до парадного. Теперь при встречах они смотрели на меня преданными глазами. Причина этой преданности вскоре выяснилась.

В воскресенье задолго до начала трансляции матча «Динамо — Спартак» у наших дверей посылались шарканье ног. Там о чем-то шептались, шмыгали носами, кто-то выталкивался вперед. Потом все смолкло — и тишина робко звякнула апловок. Я открыл дверь. Площадка, лестница — все было запружено мальчишками. Человек двадцать, не меньше.

— Так, — сказал я, несколько опомоленный. — А пораньше не могли?

— Я говорил, радио, — зашептали под лестницей, и стало ясно, что там есть еще кто-то.

— Мы споздаты, болясь, — за всех оправдала канитая дворовой футбольной команды.

— Ну, раз такое дело, валийте все. И ноги, ноги.

Толкался и соиз, ребята полезли в дверь. У порога каждый старательно шаркал подошвами. Они на цыпочках, как будто в квартире был большой, один за другим проследовали в створку и, едва только усьелись перед телевизором, нетерпеливо заерзали на стульях.

Моя теща, которой недели две назад, когда она возвращалась из магазина, кто-то полагал шарком по голове» (так она называла фут-

больный мяч), решила воспользоваться удобным случаем и найти виновника. Она натерла руки о фартурк и призма, величественная направилась в столовую. Но там царил тишина и благоговие. Казалось, на стульях сидят не ребята, а десютич, только младший брат Вовка расхаживал перед телевизором и валялся. Теща вышла расстроганная, убежденная, что наши мальчишки не могли угодить в мое мячю. Это, наверное, сделала какой-то хулиган с соседнего двора.

В столовой между тем страсти накалялись. По временам оттуда раздавался бешеный топот ног, словно за кем-то гнались, крики: «Бей! Бей! Чего ждешь? Бей!» — и вслед за этим общий валдох сожаления: «Эх, завла!» Когда трансляция окончилась, мальчишки выбежали во двор и сразу же принялись спорить, вдохновенно

размахивая руками.

Вскоре появилась мич

Не успело еще изгладиться в нашей памяти впечатление от нашествия мальчишек, как в переносной снова появились. Я сидел над чертежами, открывать пошла жена, и сейчас же в коридоре послышались звуки понузелус и радостные восклицания:

— Ну, прелесть, прелесть! Недогражаемо! Петр, сними колоши. Нет, Анечка, вы мне должны сказать, кто был шьет! Сам? Да вы просто волшебница!

Я понял, что волшебница — это моя жена, а пришла Ирина Владимировна из этой пытой квартиры, как всегда, «на одну минутку», и, значит, чертежи надо сворачивать. — Алексей Васильевич! Безный труженик! Но мы на одну минутку, на одну минутку. Петр, сядь, не торчи в дверь! Ах, вот вы где спрятались от нас телевизор! (Уничтожающий взгляд в створку мужа.) Подумать только! Наш век — просто век чудес... Петр, поправь галстук...

Опять позвонили. Аня вышла. Было слышно, как она уговаривала кого-то:

— Пройдите, проходите. Да нет, нет... Конечно, не помешаете. Вошел Григорий Семенович, тот, что живет над нами. Страстный любитель музыки.

Близке к началу сеанса звонки участились. Бывши принесены из кухни все табуретки, соседи дали свои стулья. Даже в праздники на нашей вешалке не висело столько шуб и пальто, не стояло под нею столько капюш.

Последним повздором управдом Ванди. В кавалерийской бекеше и сапогах, он переступил порог, достал платок из кармана галифе и звучно высморкался. Вытирая уши, сказал:

— Десного числа в домоуправление поступило заявление о неисправности в системе отопления. Писали вы? Так вот: указания давай.

— Пройдите, пожалуйста, — пригласил я. — Сейчас зайчусь.

Как бы не слыша, товарищ Ванди посмотрел на счетчик: «Однако»; гавнул на потолок: «Побелочка того... к лету утечка — и только после этого направился в столовую, высоко подымая ноги, словно шел по строительному двору. Появление управдома придало собранию некоторую торжественность, разговоры смолкли, в переднем ряду потеснились.

Шум вызвало только то обстоятельство, что нас с Аней не хватало стульев. Нам старательно усаживали:

— Петр, уступи место! — кричала Ирина Владимировна; мы отказывались.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, — просила Аня. — Мы дома, мы как-нибудь.

На следующий день к нам шли жильцы изо всех квартир, каждый предостережительно нес с собой стул. С шестого этажа свени бабушку Архипову (она, кажется, года три уже не выходила из дому). Бабушка Архипова охала, старческими руками в корничьих вуснушках придерживалась за веревка лестницы, а рядом шел внук и нес низенькую скамеечку.

Усадили бабушку поближе к экрану, и как только появилось там лицо диктора, слезы потекли по щекам Архиповны.

Взвук, ученик седьмого класса, конфузился и оглаживался на себе

дней, стал объяснять, что это диктор, все равно как по радио есть дикторы, а после будет постановка. Бабушка Архипова трясла головой, соглашалась со всем, но

столоу показаться на экране молодых артистам, как слезы опять текли у нее из глаз, она всплескивала руками:

— Молодежничье-то какие, господи!

Она оказалась страстной любительницей телевизора. Каждый вечер внук сводит ее с верхнего этажа, нес в руке скамеечку, бабушка усаживается перед экраном, и когда там появляется диктор и говорит: «Здравствуйте, товарищи!» — бабушка канает ей, как знакомой: «Здравствуй, милая, здравствуй! Чего там сегодня?»

У всех есть свои любимые передачи. Григорий Семенович, страстного любителя музыки, мало интересуется нове светляками и кинофильмами. Не то чтобы он в эти дни сидел дома, нет, он приходит, однако вид у него скучающий. Но когда выступает Козловский, Григорий Семенович преображается. Он прерывисто дышит, лицо его адонжонено, в глазах у ужас и восторг.

— Вот это место... сейчас... шепчет он страстно и как бы в полузабытом — Слушайте, как он возмнет это «ля!».

Конечно, никому уже не удастся услышать «это «ля», потому что, пока Козловский брал его, Григорий Семенович умолял всех слушать.

В противоположность Григорию Семеновичу бухгалтер Арсентий Романович Гроши не интересуется музыкой. Он любит пьесы сатирические, где епрохвываются калыничько». В такие моменты лицо его принимает авториторическое выражение.

— Вы любите юмор этого дела? — спрашивает он тинистенно и оборачивается, загораящая плечом экран. И поскольку нет уверенности, что все вполне поняли, он тут же начинает объяснять. На него шипают. Однако жанр

расположить людям «мозг этого дела» велико, и вскоре Аренский Романович опять объясняет.

Мы с женой больше всего любим четверга. В этот день для владельцев телевизоров установлен выходной. В этот день, вернувшись с работы, мы не спеша пьем чай, играем с дочкой, разговариваем, потом я сажусь заниматься. Словом, вечер проходит у нас, как у всех людей, не имеющих телевизора. В остальные вечера я стою в коридоре, смотрю на вешалку, которая ломится под тяжестью шуб, и курю. В столовой в это время тишина и в течение под лучами экрана блещит множество глаз. Аня тоже там: Ирина Владимировна не отпускает ее от себя. Аня сидит, смотрит на телевизор и думает о том, что скоро у меня закончатся на законном отделении института, что мне надо заниматься, что Вовка сегодня опять не учил уроки. Странное дело, с тех пор как мы купили телевизор, Вовке перестали задавать домашнего задания. Вот он ходит вокруг меня и шмычет:

— Вам хорошо, вам каждый день чего-нибудь показывают, а для меня только по воскресеньям.

Пока передача не кончается, я сплю его уложивши. Это уж проверено. Я курю и думаю о том, что в тишине можно заниматься с палкой, там дочку укачивать, ей меньше боль. В кухне... Прошел раз я попробовал устроиться в кухне с чертешкой доской, но в перерыв вышла Ирина Владимировна и сказала:

— Алексей Васильевич! Безнечный! Как ты на-за, на-за?

Муж съехался под ее взглядом, точно чертеса на сгнне.

— Что вы, что вы! Вы не беспокойтесь, пожалуйста... — торжественно возразил я.

Ирина Владимировна покачала, что я равнодушен к телевизору: «Ведь это так интересно! Анечка была просто без ума...» Нет, на кухне заниматься нелегко. Вот если попросить к кому-нибудь из соседей, пока они телевизор смотрят? Но, с другой стороны, я могу понаблюдать: бывает изображение нечеткое, какие-то полосы на экране, тогда уютно.

Я смотрю на вешалку и думаю

о том, что сегодня только понедельник, до четверга еще целых два дня.

Интересно, как устроены люди, у которых телевизор в всего одной комнате? — Теперь, когда я вижу по улане, я смотрю на крышу. Есть же такие дома, где по асфту, по пятнадцатой антенне. Живут люди и горы не знают. Моему прочим, говорят, что Мария Ивановна (та, что живет в двадцать восьмой квартире) собирается поехать телевизором. Может быть, это правда? Моя жена согласна даже поехать за нее в очередь.

ИЗ ЖИЗНИ СЛОВ

АЗБУКА, АЛФАВИТ

Слово «азбука» происходит от славяно-славянского названия двух первых букв: аз (а) и буки (б). В старину, когда учили грамоте «по азам», употреблялись такие слова, ученые севра выучивал названые буквы: аз, буки, веда, гласноу, добро, естество и д., а затем управлялся в составлении «азбук», то есть словарей. Проходили недели, а иногда месяцы, пока умение доходить до «книжки» — последней буквы азбуки. Многие с трудом одолевали и «скалды», сначала на двух буквах. А затем из трех: «буки — аз — ба», «буки — аз — ба», «буки — аз — бра», «пгалоу — веда — аз — га».

От старинной системы обучения по азам возникло выражение — «начинать азбуку», употребляемое в значении: начинать с самого начала.

Слово «азбука» получило переносное значение: основные начала чего-либо (например, азбука биологического — общенаучный, простой. Отсюда возникло ироническое выражение «азбука биологии», «азбука химии». В дальнейшем выражение это стало означать «только и тем, кем, кто не научился читать, а потому, кто вообще не обладает познаниями в какой-либо науке». Возникшее отсюда же выражение «не азбука не знает», не сивать, не смыслишь употребляется в значении «ничего».

От формы буквы Ф — в первом по-славянской азбуке «ферт» — похищено на изображение человека, который стоит, подняв обеими руками в бока, возникло выражение «ферт», «ферт», «ферт», «ферт», то есть дерзость, глупость, наглость.

Синоним слова «азбука» — алфавит — принадлежит к числу старинных, заимствованных из греческого языка. Греческое слово «алфабет», букв. как русское «азбука», образовано от названий первых двух букв греческой азбуки — «алфа» и «бета» (по другому произношению «бета»).

«Азбука» и «алфавит» являются синонимами словосами, образованными из названий букв.

ПЕРО, ПЕНАЛ

В старину писали гусиными перьями и редко, в виде розочки, последними. Но в настоящее время новые орудия письма — металлические перья, которые называются пером, так как название его осталось то же.

В России стальные перья появились в продаже в 30-х годах XIX века, но они не пользовались сразу. Стоили они довольно дорого, поэтому в употреблении еще долгое время оставались гусиные перья. Революционный журналист Булгаков утверждал, что «перо» — это не следует называть «писалкой», так как перо, мол, бывает только у птиц. Этого приговора гусиные перья для образования «перо» не избежали. Но в настоящее время, чтобы образовалось слово «перо», перьям пришлось бы изменить конечный конец расширить. Оценное неумелой рукой перо спотыкалось, брызгало чернилами, особенно на шероховатой бумаге, Оценив перья по своему роду деятельности и многие мелкие чиновники делись себе наперво умение оценивать перья как орудия письма.

Как орудие письма гусиные перья не забыты и на употреблении, но мы, пожалуй, о них не вспоминаем, а карандаши, перья, а карандаши.

Перо по-латыни «пenna»; отсюда необычное название пера — перьями перья, ручка, карандаш — получила название пера.

Н. АШУКИН

концерте именно здесь, в колхозе «Улан-Эркин». Тогда он, конечно, переосмыслил свои силы и горю, прямо, ошеломила...

Лжасаран шагнул на авансцену... рупельскими в зале оглушили его. Ему показалось, что он попал на берег Байкала в пору осенних бурь.

Потом Лжасаран Линховын пел, а не зал — из первых рядов, где сидели почтенные старики, и слыши, где тешили молодежь, — выкрикивали все новые и новые названия армян и песен, которые он обязан исполнять по радио и кино. Видно, узнав, куда полковник его слушали.

А. ПЛИНИНА

Лжасаран Линховын.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Шел как будто самый обычный концерт. Но Лжасаран было не о себе. Пожалуй, он так не волновался даже перед выступлением на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Праге.

Каждый год народный артист Бургун-Монголской АССР, студент Ленинградский консерватории Лжасаран Линховын приезжает с товарищами отчетом в родную республику. Он подготовил под руководством своих профессоров партийную программу и программу Длугу мьянго, Собраниа в «Царской известии Франско-Богова», Гремина в «Евгении Онегине» Чайковского, Кончана в «Книзе Игоря Бородина», Моисеевского «Фавсте» Гуно.

Лжасаран пел в Бургун-Монгольском отделении Ленина театры оперы и балета, часто выступал на концертах поездов и сельскохозяйственных артелей. Только в колхозе «Улан-Эркин» почему-то никто не бывал. Очень давно. Десать лет...

Лжасаран выглянул из-за кулисы и из зала Волхонкина, собравшиеся на открытие своего нового поющего ансамбля, над сценой молодых певцов, танцов, артистов бургангольского и русского народных танцевальных коллективов. Длугу алдориванди артели студентам чуждым колхозам, имени П. И. Чайковского, среди которых было и его одноклассник.

Он шагнул. Вдоль десяти лет назад Лжасаран-подросток, неграмотный в хор оперы, пошел выступать как солист на

Фортепьянный дуэт — Любовь Брук и Марк Тайманов.

Шахматист-музыкант

Весело и задорно звучит мелодия «Ляши Вузы» Ахата Хачатуряна. Легкие, плавные пианиссимо стремительно пробегают по клавишам, и последние звуки, мягко так, замывают...

На сцене Малого зала Московского консерватории ленинградский фортепьянный дуэт — Любовь Брук и Марк Тайманов. Они впервые выступают в Москве, и этот концерт является для них большим и ответственным исполнением.

Сидящие в зале до сих пор знают Марк Тайманова как одного из сильнейших советских гробсмейстеров. Теперь они узнали его как талантливого и удивочного пианиста.

оничили Ленинградскую консерваторию и с тех пор постоянно выступают в Ленинграде, Ковне, Галине и других городах страны. Требуется от пианиссимо — большой художественной чуткости, Аксамбл Брук и Тайманова радует именно своей органической целостностью. Молодые пианисты хорошо владеют инструментом, умеют добиваться большой завершенности в отдельных весьма сложных музыкальных произведениях. Многие произведения они играют по-новому, оригинально, обнаруживая при этом глубокое понимание замысла композитора.

Марк Тайманов известен не только в Советском Союзе: участвует в Международных шахматных турнирах в Стокгольме и Шрирге, он выступал в этих городах с концертной программой.

Л. ГОРХОВСКАЯ

Из записок охотника

Рисунок Д. Пивоварова.

лого мяса. Забыл осторожность, волки сблизил с кучей.
Рыбацкий и гулко грохотал выстрел. Два хищника метнулись в сторону и смылись. Один лег на месте, а другой, тяжело раненный, пошел по следу, оставляя кровавый след. Однако надолго сил не хватило, и метрах в пятидесяти от привады валялся и он.

Со стороны зверофермы с фонарем и телодером в руках и охотнику бежал сторож. Когда зверовод со сторожем приложили трофей и звероферму, то прежде всего они засвидетельствовали результат на редкость удачного выстрела.

Старая волчица была убита наповал: пули попали ей в голову, — а волк-переворот светловос и равни в левую лопатку и бок. Из пасти, зарывшись, находившихся в лапках, три пошла в цель.

Убить двух волков с одного выстрела — редкая удача в охотничьей практике.

УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

К сараям зверофермы, где живут большие борсы — нутрии, — все чаще и чаще стала приходить волчья стая. Но однажды хищников отпугивали отъем, но проходили несколько ночей, и они появились снова.

Сарай-оборонный стоит на берегу лесного озера. Крыши у них низкие, стены из выжженной обожженной глиной, осыпая прочностью не отличаются. Идемоторишь — ворудит «серые» и кутими.

Тогда молодой звероход Василий Охрименко решил устроить на волков засаду. Привады он положил у заброшенной лесной избушки, стоявшей на поляне, недалеко от зверофермы. Зарядил самодельную нагнетную ружью-одностволку, звероход терпеливо просидел две ночи в сторожке, но впустил. Волки не шли. «Ну, жаль! привады не учудил» — озабоченно думал Василий.

Наступила третья ночь. Темная, морозная. В лунном свете искрился и гудел снег. Кусты и деревья несметно обсыпаны пушистым снегом.

Прошло с полчаса, и вдруг на поляну выскочил крупный, матерый волк. «Волчица!» — мелькнула мысль у охотника.

Хищник остановился, прислушался и осторожно направился к приваде. За ним последовали еще три.

Один из них набросился на приваду волчица, а за ней и вся стая. Послышалось рычанье, хруст мер-

ЕНОТЫ-НОВОСЕЛЫ

В выходной день после долгих занятий по заснованным полям и переделкам мы зашли отдохнуть к знакомому леснику.

Савельев так звали лесника, встретил нас возле крыльца. Оглядев наши трофеи, он сразу признал нас — охотников.

— А ну, зайчатины, полюбуйтесь, у меня здесь лесные звери зимуют!

Удивленно посмотрев друг на друга, мы перенатянули чехлы порою. В углу, на невысоком платне, блеснули в полумраке четыре зеленеловатых огонька и потухли. Пару пушистых темновосых зверьков, с несоблюденной дворняжкою, зимующую в левяную кучу сухих осолов.

— Еноты! воскликнул один из нас.

— Угадали, — улыбнулся, сказал Савельев. — Их сорочиды даным-данно спит по норам, а эти, как видите, и не дремлют.

Отвечая на наши вопросы, лесник рассказывал, что с лета на лесной заброшенной поляне он оставил стожок сена, а с месец тому назад решил проверить его по двору. Когда почти все сено было уже уложено на сани, у самой калитки под стожком Савельев увидел двух зверьков.

Свернувшись в суклом слое клубника, еноты лежали неподвижно. Только сокранившиеся под густым мехом телом говорили о том, что звери живы.

Осторожно перевернув енотов на вою, Савельев пошел их домой. Для три отогрелая в хате, а потом, когда звери проснулись, поместил в омшаник.

— Едят немного, — добавил в заключение лесник. — Видать, с осени зябл навошны. В морозы спит больше, а в оттепель ревется.

Забавные зверюшки! В украинском Полесье усуринские еноты — новоселы. Несколько лет назад их привезли сюда из дальневосточной тайги. Теперь эти звери здесь хорошо освоились, расселались по лесам и приречным зарослям. Питаются еноты мелкими мышевидными птицами, дупляками. Не брезгают они арбузами и морковью.

Когда наступают холода и выпадает снег, еноты докучают на зимнюю спячку. Иногда для енотов слушают старые барачные норы, даже под дворами деревень, кучи хвороста, иногда они засыпают и в стогах сена.

Фунда украинского Полесья обогатилась новым, ранее неизвестным здесь ценным пушиным зверем.

П. СТЕФАРОВ

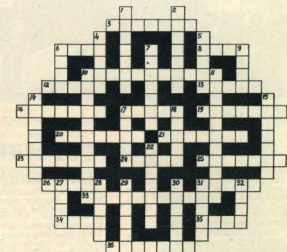
Сумская область.

КРОВОБОРД

Составил М. Лаврентьев

- По горизонтали:
3. Горная система.
6. Небесное тело. 8. Часть света. 10. Морская птица.
12. Сорное растение.
13. Фамилия доктора в романе М. Горького «Детство». 15. Вид выла. 17. День недели.
19. Крутильный советский музыкальный инструмент. 20. Останова.
21. Волшебное название волшебного командного состава. 23. Страница народно-демократической республикан. 24. Сорт яблок. 25. Музыкальный инструмент. 26. Лицная часть. 31. Гек в Польше. 33. Рисунок. 34. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина. 35. Липовая деревянная единица. 36. Литичный фантасок и математик.
- По вертикали:
1. Выдающийся русский антрополог. 2.

- Игра. 4. Остатки, получаемые при делении. 5. Советский писатель. 6. Часть зрительного зала. 7. Спортивный инвентарь для метания. 8. Великий французский поэт. 11. Состав и взаимное расположение частей строения сооружения. 14. Французский писатель. 15. Лесосека. 17. Музыкальное произведение. 18. Уголочный. 22. Картина Маркуса-Антониуса. 27. Остров в Средиземном море. 28. Имя одного из героев Митавы. 29. Исходная русская. 30. Выдающийся русский флотоводец. 31. Посещение. 32. Расплавленная масса вулканических извержений.

На первой странице обложки: Портрет Владимира Ильича Ленина работы художника Н. Андреева.

На четвертой странице обложки: Перед лыжной вышкой. Фото Е. Тиханова и Л. Коровина.

Формальные номера
В. Урина.
Технический редактор
О. Швова.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ НАПЕЧАТАННУЮ

В «СМЕНЕ» № 24

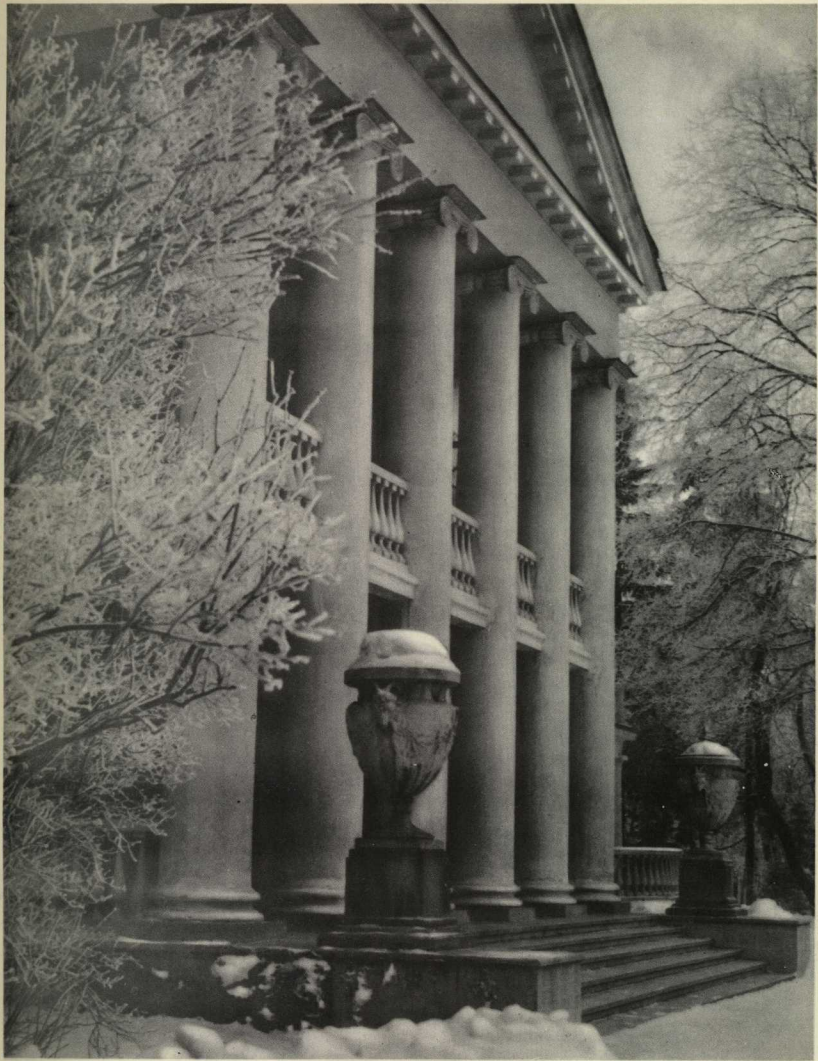
Стржи Стевана ШИПАЧЕВА:

Встал все. Уме двенадцать ровно.
Вьет куртаны — старый год прошел.
Хорошо, дружок, под общим кровом.
Сметь за шумный новогодний ствол.
Следует читать слева снизу вверх и обратно.

Редакция: В. Акаев, Г. Гумя, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Кожухова, М. Луконин.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-34-34-24. А 00609. Подписано и печатно 18/1 1954 г. Заказ № 3391. Тираж 120 000 экз. Изд. № 78. Формат бумаги 70 x 108%. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. д.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Горки Ленинские.

Фото И. Гущина.

